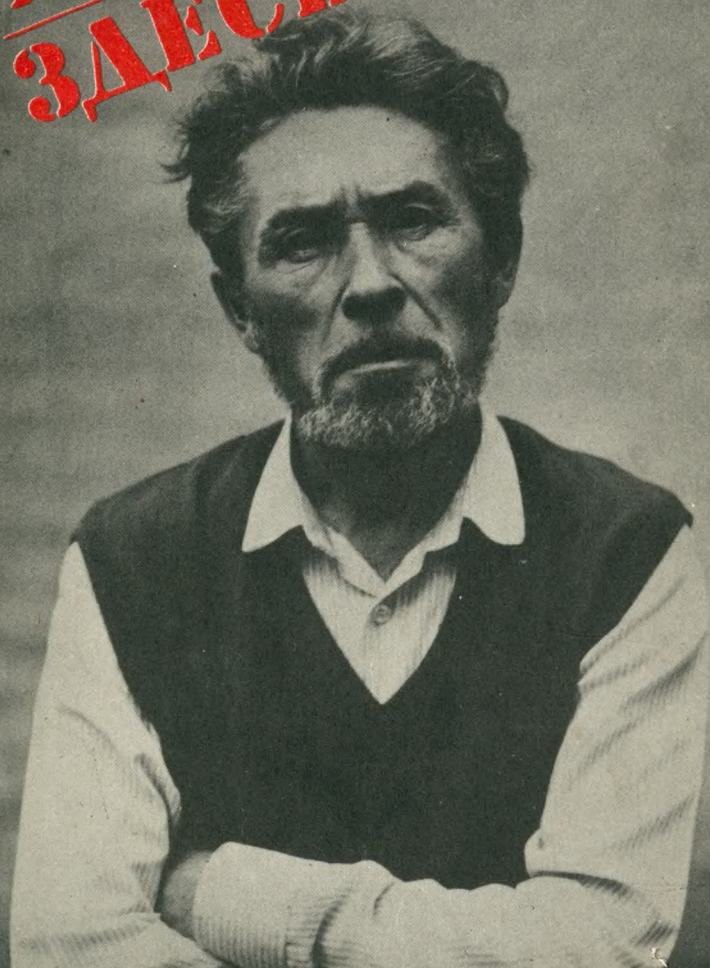

ГЕННАДИЙ
АЙГИ

ЗДЕСЬ

**ГЕННАДІЙ
АЙГМ**

ЗДЕСЬ

**ГЕННАДИЙ
АЙГН**

ЗДЕСЬ

Избранные
стихотворения

1954 / 1988

Москва
«Современник»
1991

ББК 84Чув
А37

Художники
И. Г. Макаревич
и *Л. И. Орлова*

Айги Г. Н.

А3, **Здесь: Избранные стихотворения. 1954—**
1988/ Художник И. Макаревич и Л. Орлова.—
М.: Современник, 1991.— 287 с.: ил.
ISBN 5-270-00931-5

Пишущий на русском языке чувашский поэт Геннадий Айги работает в необычной поэтической манере, сочетающей черты разных форм художественного творчества: поэзии, живописи, музыки. Редкая по множеству смысловых связей ассоциативность образов, богатство мыслей и чувств, а также их оттенков, ставят поэзию Г. Айги в ряд интересных поэтических явлений последнего времени.

Стихи Геннадия Айги известны во многих странах Европы. Отдельная книга поэта на русском языке (семь его книг, относящихся к раннему периоду творчества, издано на чувашском) выходит впервые.

А **4702710202—052**
М106(03)—91

КБ 11 — 62 — 89

ББК 84Чув

ISBN 5-270-00931-5

© Издательство «Современник», 1991

Защита собственной души

Защита собственной души не есть эгоизм.

Собственная душа каждого из нас не есть только наша собственность. Защищая собственную душу, мы защищаем то целокупное духовное начало мирового духа, которое рассыпано по миллионам людей — мертвых или живых. Некоторые мертвые оказываются более живыми, чем якобы живые, именно благодаря тому, что они сумели защитить собственную душу от подавления ее тиранией власти, или тиранией толпы, или тиранией мелочей жизни.

Поэзия Айги — это защита собственной души от многих тираний, в том числе и от тирании масскультуры. Геннадий Айги не принадлежит к защитникам сразу всего человечества, которые декларируют это как свою жизненную задачу. Он ни разу не клялся обнять сразу всех, спасти сразу всех, разрушить все стены, разделяющие людей, защитить всю планету от ядерного кошмара. Но зато он сумел защитить свою душу от вторжения в нее нечистот выгребных идеологических ям, от ядовитых нефтяных разводов так называемой «злобы дня».

Потеряв кислород современности, он тем не менее не задохнулся, а уберег себя от микробов современности. Безмикробность порсий переходит у него и в дистиллированность, но это был его собственный выбор. Противостояние «злобе дня», которая, по выражению Пастернака, «размахивает палкой», перешло у Айги в состояние постоянной защиты собственной души от этой «злобы». Не как читатель, конечно, но как поэт Айги решил как бы забыть то, что возможны и величайшие стихи на злобу дня, как, например, стихи Лермонтова на смерть Пушкина. Бессмысленно в этом обвинять Айги, ибо у каждого — своя

дорога. Отказавшись от ориентации на массового читателя, Айги постепенно создал узкий, но устойчивый круг своих почитателей — и в нашей стране, и за рубежом.

Дерзкая, слегка высокомерная установка на некоммуникабельность оказалась потайным поиском взаимопонимания с редкими, но все-таки существующими особями. Собственная душа была защищена не только отдельностью от особей чуждых, но и закодированной связью лишь с немногими избранными. Вряд ли это была скалькулированная ставка на элитарность — скорее ставка инстинктивная.

Мы не имеем права рассуждать, — как это часто водится, — правильную или неправильную дорогу выбирает тот или иной поэт. Дорога Маяковского для Пастернака непредставима. Я глубоко уважаю Айги за мужество самостоятельности его выбора, хотя выбрал себе дорогу совсем иную. Мне, например, гораздо ближе были ранние стихи Айги, в чем-то близкие по духу раннему Маяковскому: «я как звонкая монета, затерявшаяся в пыльном кармане эпохи среди свалявшихся ассигнаций, и мне не с чем сталкиваться, чтобы звенеть», или «да здравствует подставка чистильщика — деревянный пьедестал для памятника крепкой и сильной ноге!», или образ железнодорожных фонарей ночью, в которых «сидят маленькие пимены и пишут историю человечества» (цитирую так, как это мне запомнилось тридцать с лишним лет назад).

Судьба Геннадия Айги трагически и одновременно счастливо парадоксальна. Чувашский мальчик из деревни Шаймурзино, сын сельского учителя, приехавший в Москву с родной землей под ногтями, вошел в контекст мировой литературы XX века. В 1972 году он стал лауреатом Французской Академии за перевод на чувашский язык антологии «Поэты Франции». Семь стихотворных сборников вышло на родном языке, четырнадцать книг — на иностранных языках, а вот на русском его огромный том вышел лишь в Париже в издательстве «Синтаксис» в 1982 году.

Однако Айги нельзя считать «отверженным» поэтом, потому что он практически ничего не добивался. Он не принадлежал к завоевателям пространства. Он жил под тезисом Пастернака: «привлечь к себе любовь пространства» самим своим существованием. Пространство само пришло к нему.

Может быть, ни в одном современном поэте так причудливо не выразился выход от почвенности к европеизму. В этом смысле Айги считает себя не одиночкой, а продолжателем Михаила Сеспеля, самого «европейского» из чувашских поэтов. Также не одиночка Айги и потому, что он считает продолжателем своего дела сегодняшнего прекрасного поэта-новатора, своего со-родича — Педэра Эйзина.

Почему-то принято к национальной традиции относить только почвенно-фольклорную линию. Разве воздух Искусства не есть наша духовная почва? И в русской, и в чувашской поэзии естественное усвоение европейской культуры тоже уже давно стало национальной традицией.

Антуан Витез назвал Геннадия Айги «Малларме с Волги». Питер Франс, профессор Эдинбургского университета, заметил, что стихи Айги «скорее похожи на шуршание листвы, чем на декларации публичного поэта». Польский литературовед Анджей Дравич говорит, что Айги «использует магию слов, своими заклинаниями превращая их в сложные иероглифы, размещенные в ассоциативно-смысловом пространстве». Теряя в количестве читателей, Айги выигрывает в их качестве. Сам о себе он говорит так: «Пишу» для меня равносильно выражению «я есть», или — «я еще есть».

В нашем несвободном мире Айги осуществил свободный выбор, потеряв в широте эха своей поэзии, но выиграв в тонкости вибрации этого эха. Юнна Мориц сказала про Айги так: «У него везде — лицо». Я бы добавил: «И везде — свое».

Айги защитил право быть самим собой. А другие — пусть будут другими.

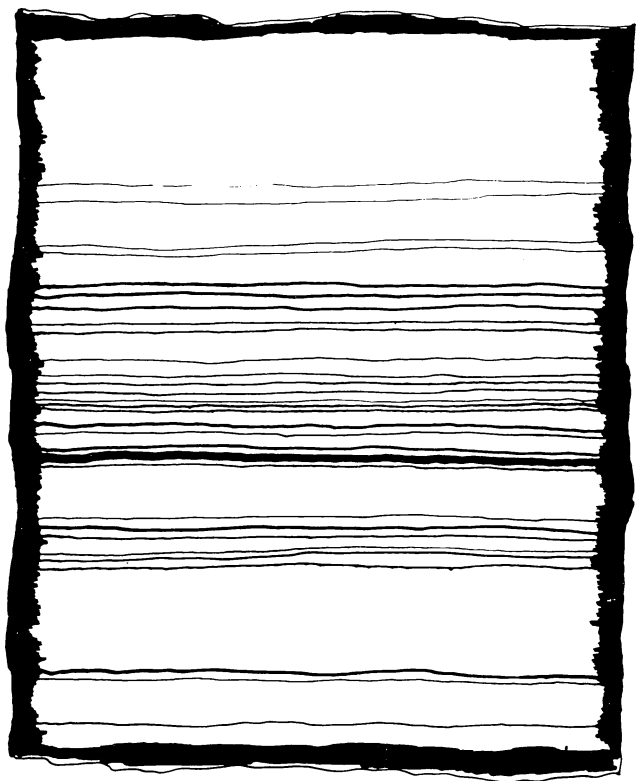
В заключение, от имени поэта, хочу отметить следующее: чтобы не дробить непосредственное восприятие стихотворных текстов, примечания к ним, по замыслу автора, приведены отдельно, в конце сборника.

Из обширных циклов Геннадия Айги, составляющих, по существу, отдельные книги, выбраны для данного издания наиболее показательные стихотворения.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

**НАЧАЛО
ПОЛЯН**

1954 / 1959

В рост

1

в невидимом зареве
из распыленной тоски
знаю ненужность как бедные знают одежду последнюю
и старую утварь
и знаю что эта ненужность
стране от меня и нужна
надежная как уговор утаенный:
молчанье как жизнь
да на всю мою жизнь

2

Однако молчание — дань, а себе — тишина.

3

к такой привыкать тишине
что как сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место ее
и в этом я есть — как Поэзия есть
и я знаю
что работа моя и трудна и сама для себя
как на кладбище города
бессонница сторожа

1954—1956

В декабрьской ночи

Н. Ч.

в страхе
как будто в декабрьской ночи
самоосвещаются
вещи души
и как говорим «тупики» и «дома» и «туннели»
определяю я это немногое —

когда повторяю:

что общность избравших друг друга
совместность их нищенская —
как разрешенная по недосмотру!

но неотменима

что ежедневно обязан художник
знать о силе и времени смерти

и знать потому: что для правды
не хватит и всей его жизни

что можно быть светлым всегда — о хотя бы от боли!—
когда эта боль — словно заданная
неотличима от веры

что — как говорящие — теплятся вещи души
в страхе — как в зимней ночи

всю полноту образуя
необходимого ныне терпения

1957

Бодлер

Не вы убивали не вы побеждали
не вашего поля

Недаром вы слушать его не умели
диктовало откуда-то что-то
места своего не имея

и не было будто ни губ ни бровей ни висков
кроме далекого голоса
и неожиданных рук

И даже законы движенья и роста
искали иного служенья ему:

непредвиденным было то место под небом
где все утверждалось как тяжесть

и от всех эта тяжесть его отделяла
как падающее что-то
отделяется от воздуха в воздухе

— И цвета испанского табака
были живы глаза перед смертью
тоскующие по чистоте

рождаемой только разрывом и гибелью

1957

Родное

я должен
дойти губами
до ее беспредельных глаз

и удивлюсь я тогда чуть пульсирующим жилам
на подглазье ее
и пойму что это от их прозрачности
и бестелесности
так светлы и больны
чуть вздрагивающие эти глаза

и полюблю я ее и руками моими и губами
и молчаньем и сном и улицами моих стихов
и ложью — для государств
и правдой — для жизни

и платформами всех вокзалов
где я буду в последний раз
смотреть на горячие черные спины
паровозов на дворах депо

оставляя ее
очередям и убежищам
маленьких страшных городов Сибири
и уезжая от нее навсегда

на бойню людей
моего же века

1958

Путь

Когда нас никто не любит
начинаем
любить матерей

Когда нам никто не пишет
вспоминаем
старых друзей

И слова произносим уже лишь потому
что молчанье нам страшно
а движенья опасны

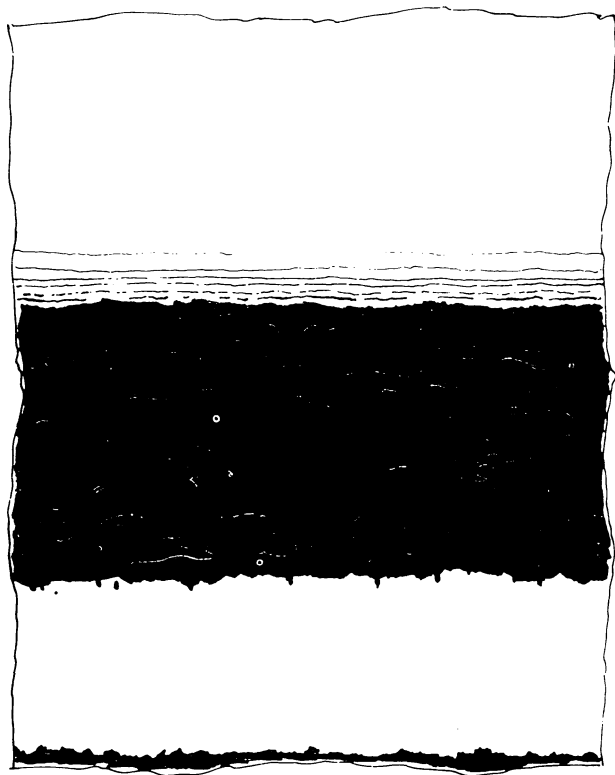
В конце же — в случайных запущенных парках
плачем от жалких труб
жалких оркестров

1959

**ОТМЕЧЕННАЯ
ЗИМА**

1960 / 1961

Тишина

Как будто
сквозь кровавые ветки
пробираешься к свету.

И даже сны здесь похожи
на сеть сухожилий.

Что же поделаешь, мы на земле
играем в людей.

А там —
убежища облаков,
и перегородки
снов бога,
и наша тишина, нарушенная нами,

тем, что где-то на дне
мы ее сделали
видимой и слышимой.

И мы здесь говорим голосами
и зримы оттенками,
но никто не услышит
наши подлинные голоса,

и, став самым чистым цветом,
мы не узнаем друг друга.

1960

Облака

В этой
ничьей деревне
нищие тряпки на частоколах
казались ничьими.

И были над ними ничьи облака,

и там — рекламы о детстве
рахитичных и диких детей;

и музыка о наготе
гуннских и скифских женщин;

а здесь, на постели, на уровне глаз,
где-то около мокрых ресниц,
кто-то умирал и плакал,

пока понимал я
в последний раз,

что она была мама.

1960

Дом друзей

К. и Т. Эрастовым

Было совместное
соответствие
дыханья, движенья и звука
в их первозданном
виде.

Надо было уметь не усиливать
ни одно из них.

И во все проникал
свет звука, свет взгляда, свет тишины,
и где-то за этим свеченьем
плакали дети,
и изображало пламя свечи

пересечения
наших шагов.

И мы находились
в составе жизни
где-то рядом со смертью,
с огнем и с временем,

и сами во многом
мы были ими.

1960

Смерть

Не снимая платка с головы,
умирает мама,
и единственный раз
я плачу от жалкого вида

ее домотканого платья.

О, как тихи снега,
словно их выровняли
крылья вчерашнего демона,

о, как богаты сугробы,
как будто под ними —
горы языческих

жертвоприношений.

А снежинки
все несут и несут на землю

иероглифы бога...

1960

Люди

Так много ночей
линии стульев, рам и шкафов
проводил я движениями
рук и плеч
в их постоянный
и неведомый путь.

Я не заметил,
как это перенес на людей.
Должен признаться: разговаривая с ними,
мысленно мерил я пальцами

линии их бровей.

И были они везде,
чтобы я не забыл
о жизни в форме людей,

и были недели и годы,
чтобы с ними прощаться,

и было понятие мышления,
чтобы я знал,
что блики на их фортепьяно
имеют свою родню

в больницах и тюрьмах.

1960

Детство

Желтая вода
на скотном дворе —
далека, холодна, априорна,

и там, как барабанные палочки,
не знают конца
алфавиты диких детей:

о Соломинка, Щепка, Осколок Стекла,
о Линейные Скифские Ветры,
и, словно карнавальная драка в подвалах,
Бумага, Бумага, Бумага,

о юнги соломинок,
о мокрые буквы на пальцах!

**ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ — ЭТО КАК БЫ РЕЖЕТ,
НО ТОЛЬКО МЕНЯ, НЕ ВАС!
РЕЖЕТ — ЧЕРЕЗ КАРТИНЫ И ПЛАТЬЯ
И ЧЕРЕЗ КОГТИ ПТИЦ!**

Коровьи копыта — яркие, невероятны,
что-то — от въезда в бухту,
что-то — от бала,

и сразу, как стучащие рельсы,
ярки, широки, беспощадны
обнимающие нас соучастники —
руки, сестры, шеи, мамы!

Разгуляемся снова, разгуляемся,
снова заснем и пройдем
не вчера, не сегодня, не завтра, а-а-а-а!—

СКВОЗЬ КРИКИ ДЕТЕЙ,
ЧЕРЕЗ МОКРЫЕ БУКВЫ,
ЧЕРЕЗ КАРТИНЫ И ПЛАТЬЯ
И ЧЕРЕЗ КОГТИ ПТИЦ!

1960

Счастье

— Там, где эти глаза зачинались,
был спровоцирован свет...

Я симметрично раскладываю ракушки
на женщину чужую,
лежащую на песке.

А облака — как крики,
и небо полно этих криков,
и я различаю границы
тишины и шума,—

они в улыбающейся женщине
заметны, как швы на ветру;

и встряхиваюсь я, как лошадь,
среди потомков дробей и простенков;

и думаю: хватит с меня, не мое это дело,
надо помнить, что два человека —
это и есть Биркенау,—

о табу ты мое, Биркенау мое,
игра матерьяла и железо мое,
чудо — не годится, *чўдинко* мое,
«я» — не годится, «*оой!*» мое!

1960

Снег

От близкого снега
цветы на подоконнике странны.

Ты улыбнись мне хотя бы за то,
что не говорю я слова,
которые никогда не пойму.
Все, что тебе я могу говорить:

стул, снег, ресницы, лампа.

И руки мои
просты и далёки,

и оконные рамы
будто вырезаны из белой бумаги,

а там, за ними,
около фонарей,
кружится снег

с самого нашего детства.

И будет кружиться, пока на земле
тебя вспоминают и с тобой говорят.

И эти белые хлопья когда-то
увидел я наяву,
и закрыл глаза, и не могу их открыть,
и кружатся белые искры,

и остановить их
я не могу.

1960

Реквием девочке

милей вдоль рук
прощальней вдоль ресниц
и птицею на полустанке
узка отброшена и остановлена

потом не появившись были стены
прошла зима и сохранились
там где закрыто все
и сеча тихая одежд и леса
и место облика где нам не быть

**И ВОТ — БЕЗ ПОМОЩИ ЛЮДЕЙ, СЕРЬЕЗНО
И ОЧЕНЬ ДАЛЕКО —
БЫЛА, КАК НА ЛЕТУ ПРОШЛА
БЕЗ ОТЗВУКА: «БЫЛА! БЫЛА!»**

еще кричат поют и светятся
в садах во всем поселке
далекие чужие

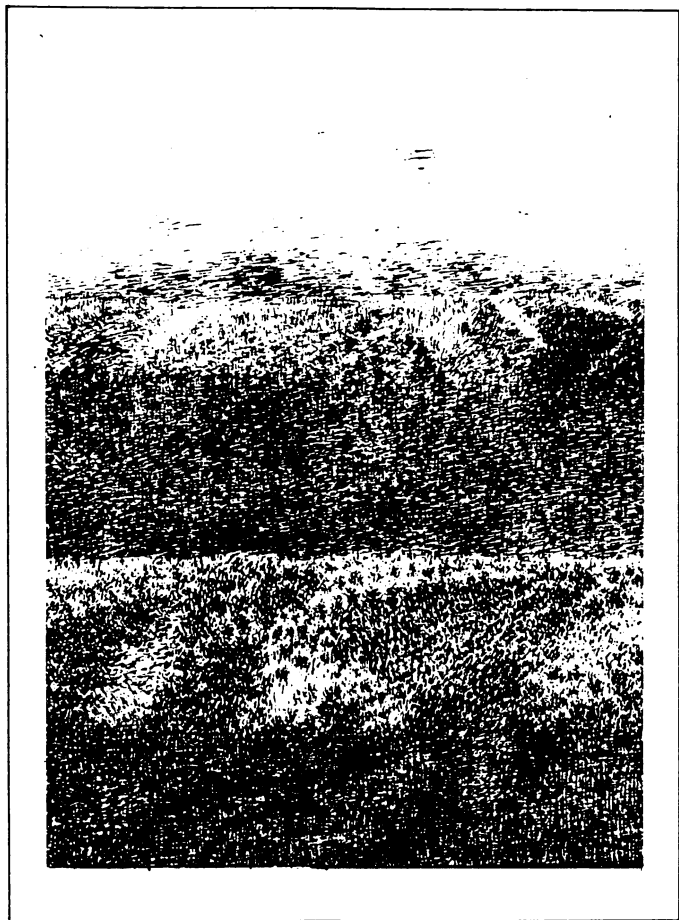
как точки золота в песке

и тянутся уже во тьме
ряды притихших теней
просты как я молчащий
как вы не узнающие
тех что уже во тьме

1961

**ПОЛЯ
ДВОЙНИКИ**

1961/1963

Утро в детстве

а, колебало, а,
впервые просто чисто
и озаряло без себя
и узко, одиноко

и выявлялась: полевая!
проста, русалочка!

и лилия была, как слог второй была —
на хруст мороза,—
с поверхности блестящей, мокрой,

— царапинки!— заговорю,— царапинки!

с мороза,
и на руке —
впервые след пореза

а этот плач среди трав:
— я богу отдан заново!

а нищий брат, мой ангел под зарей!—
уже тогда задумали,

чтоб объяснил,
и чтоб ушел,
и чтоб осталась эта суть:
царапинки... заговорю — царапинки...

Предзимний реквием

Памяти Б. Л. Пастернака

провожу и останусь как хор молчаливый
я в божьем пространстве весь день предуказанный
с движеньями зимнего четкого дня
словно с сажею рядом

а время творится само по себе
кружится пущенный по миру снег
у монастырских ворот
и кажется ныне поддержкой извне
необходимость прохожих

а уровень века уже утверждён
и требует уровень славы
лицо к тишине обращать
и не книга но атлас страстей
в тиши на столе сохранён

а год словно сажа коснется домов
в веке старом где будто разорваны книги
и любая страница потребует
линий резки и складки к себе
через мои рукава
где холод где рядом окно а за ним
сугробы ворота дома

1962

Война

мы можем делиться дыханием и голосом
но убийство здесь спаяно в нас
и желаем им тоже делиться

и клады его на земле уменьшаем
лишь уменьшая людей

и глаза создавая убийцам и умникам
ищет себя
уровень бога
и признав его знаки за знаки распада
служат свободе убийцы

— а самое для меня постороннее
пятнистая моя хохотушка
дочь моя ничтожная стенка
майнкампфова жена!

помещенная странно
словно срезанная обложка журнала

возникшая как марля от раны
и как прообраз
светлой суши воздушной обещанной в детстве
летним утром открытыми окнами —

ты стала сама по себе
отвердела и стала доступной
для касания бога

и как все матерьялы годна среди нас
лишь для развязки событий

1962

Заморская птица

А. Волконскому

ответ невидимый птичьего образа
ранит в тревоге живущего друга

и это никем из людей не колеблемо
словно в системе земли
сила соловья создающая
словно в словах исключение смерти:
сердце — сечение — север

а рядом приход и уход
замечающих перья и когти
знающих гвозди крюки и столбы
не боящихся видеть друг друга

и надо на улице утром на шею принять
холод от стен и сугробов
и тайная фраза синичья
диктует сердечную славу всему

слава белому цвету — присутствию бога
в его тайнике для сомнений
слава бедной столице и светлому нищенству века

снегам — рассекающим — сутью бесцветья
бога — лицо

светлому — ангелу — страха
цвета — лица — серебра

1962

Поле — до ограды лесной

после белого поля — широкого нашего —
постепенно чужого
перекладина — издали наша — а пока я бунтую — моя

и царсово-садо бело на юру
сарабанда-пространство
чистая без удара и опять без удара

одинокий и взрослый я с этого края пойму
цвет до края того
там после зеленого логова
двойника людского понятия «поле»
черные тонкие ветки деревьев
и санки и дети в овраге

как ласты — чисты далеки и слабы!
особенно — в поле! с холодными шеями!
и если душа словно бог выясняет
что можно все шеи ломать словно бог
прозрачность без зренья любя
то в поле
заброшенном мной поверх глаз ради памяти
и дети на месте на месте и я

и разрешены как во сне постепенно
и быть и смотреть и болеть

и тайное что-то иметь непременно
особое что-то иметь
что с марлею схоже и схоже с бинтом — оброненным
в доме пустом

но знающий ясно разрезы во мне чистоты в чистоте
я знаю что есть и двойник погребенья

есть место где лишь острова-двойники:
чистого первого — чистого третьего — чистого вечного —
чистого поля

1962

Казимир Малевич

...и восходят поля в небо.

Из песнопения (вариант)

где сторож труда только образ Отца
не введено поклонение кругу
и доски простые не требуют лика

а издали — будто бы пение церкви
не знает отныне певцов-восприемников
и построено словно не знавший
периодов времени город

так же и воля другая в те годы творила
себя же самой расстановку —
город — страница — железо — поляна — квадрат:

— прост как огонь под золой утешающий Витебск

— под знаком намека был отдан и взят Велимир

— а Эль он как линия он вдалеке для прощанья

— это как будто концовка для Библии: срез —
завершение — Хармс

— в досках другими исполнен
белого гроба эскиз

и — восходят — поля — в небо
от каждого — есть — направление
к каждой — звезде

и бьет управляя железа концом
под нищей зарей
и круг завершился: как с неба увидена
работа чтоб видеть как с неба

1962

Вдруг — мелькание праздника

а ведь и *днем* не назовешь!—

как будто это птицы свет
(теперь «свет Моцарта» сказал бы)! —

кружа играющего легкого
по миру будто из себя
катая по кругам-подсолнухам
даль наполняли словно шумом мельничным
и блеском девушки!— для праздника святее
сиянием первичным —

(хотя всегда мы умираем
а *это* нами и живет:
блестим расплескиваясь тихостью
себе не разрешая знать) —

и все прозрачней леса тень
и вот — как даропринимательница
ряды сияния выстраивает
и добавляет из себя
последний вздох дневного пенья —

и — ровен мир!— река серебряна поляна золотиста
я юн (как с Губ-что-Свет)

1963

Цветы от себя самому

в разрешенной ему дорогой глубине
он затравленный жив

он стар но однажды приснилась глубоко и гулко
забытая словно для столяра стол неудавшийся
впервые понятная дочь
и он просыпаясь себя помещал перед лампой
и понял себя существующим явно
самоспасающим садом

он думал: как странно что стены с утра существуют
о как непонятно за чьи говорится глаза
все это игра и отныне существенна
только защита себя словно глаза

как будто есть что-то пока кое-что берегут
зачем не разрушить когда лишь меня укрывает
и в сказке нет смысла ненужных беречь
о как непонятно мне это укрытие

и он тяжелеет бесшумно ногами
словно к атласу в детстве к ключицам внимателен
зная о чем-то растительно-ярком
о внешней и внутренней смежной чашобе
без цвета одежд

и добывает
цветы для себя в тайниках своего же хождения —
прекрасны как память во время расстрела в подвале!

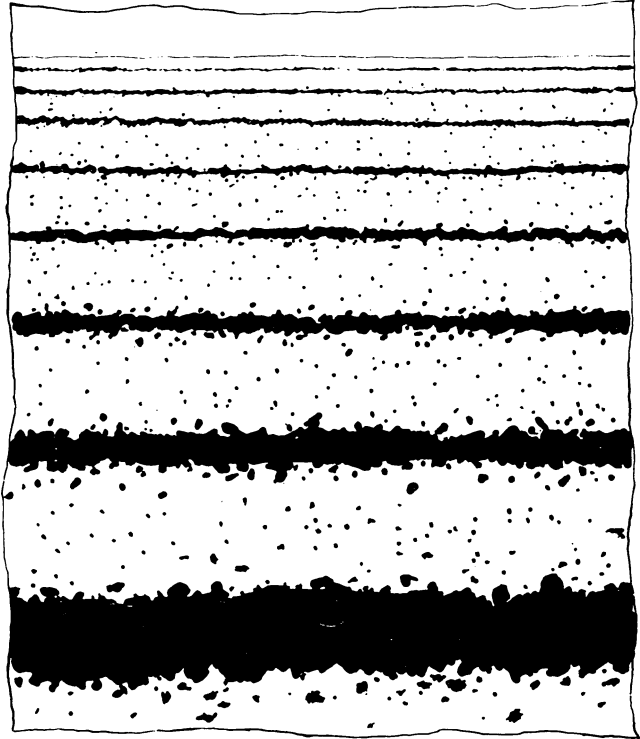
воспитаны холодом лунным
в ночь гимназическую
и был он арктически-цепок как будто вися словно пух
— о где же то дно где диктуется слово Аа
где реки текут словно вниз и в платке пуховом
по — берегу — женщина
реки — Аа

1963

**ДЕНЬ
ПРИСУТСТВИЯ
ВСЕХ
И ВСЕГО**

1963/1965

Распределение сада

это облако взято
при утреннем зрении снизу наверх
одиноких полян
при свете похожем для блюда
чтобы лицо приподняв удивиться
рядом с лицом подоконнику
светлomu для слабого глаза

и тронув слезой эта слабость опять одарит
далекими пятнами стен
проемы решеток и веток
и засветится подглазьями мягкими
на лицах у женщин
распределенье настурций
среди кустов и скамеек

и лишь через сад разрешаю я зрение
ближе к себе затемняя
и на себя принимаю
легкую свежую тяжесть —
пробы соседнего дерева не отказаться
от движения слабого

а в памяти август соседствует с мрамором
и в отсвете этом
и рядом в домах притеснений
сегодня победу хранит
день присутствия всех и всего:

совместности облака солнцестояния голоса матери
(светится соприкасается)
лестницы к астрам направленной
боли в висках

1963

Начало леса

открывается сразу как воск поддаваясь
освещается весь!
с проемом с огнем с повтореньем огня и проема
с местами для голоса мамы навечно:
«ай — ии»

суккубье третейство в вагонах кого-то изведшее
тайно готовится здесь
оставлена кожа и кружевом скомканным
белеет во сне

и мягким горячим углем помещенное
что-то живое тройное
колодцем пригорком и домом
Девочку — робкую — около — речки
отдаляя играет

и вновь приближает

1963

Мадригал поэту

С. Красовицкому

езде твой цвет
особенно на склянках
ты — трогающий все вокруг тебя
как будто кровью
рыбы золотой

так прячут может быть за вьюшкой алмазы
как был ты нежен в ветхих рукавах

и ранил снег в окно мое свободно
коснувшись дара твоего израненного
потом меня

я глазками колец был так просвечен в саклях
и был соосвещенным ты
когда рассматривал я долго панагии
при сумерках столицы северной

и видел кровь твою

1963

К возвращению страха

о помни как смотрят в глаза:

то в автобусах — лёса хозяевами!

то на улицах — будто ответственными
даже за твой ежедневный:

по лестницам:

спуск!

то в разговоре —
хранящими только на месте их образов
мысль приближающуюся!

это — в составе того что развеется
чем-то одним оставаясь везде —

перемещение в этом твое! а другое — одно
как пространство — одно ожидающее:

отмены
столь явного места
которое — ты:

везде открывается — даже и в досках —
словно сиянье
за лунным кольцом:

ал на мгновенья как рана за створкой —
следы на края ожидая
знаешь ли: где ты? зачем?

долго ли?— так открывается схожее с воздухом —
если коснутся —
то боли конец не предвидится:

нигде ни в какой высоте

1964

Появление снега

мягкий и близкий подросток неясный
в колодец в колодец
лицом побледневшим мой сон прорезая

меня освещая вдоль сердца

и возвращаясь наутро со дна
растенья на окнах коверкает
красным мне губы рая

светом с худых армяков
невидимый снег

он там недвижим
где явное место имеет как стул
освещенное издали солнце
где только они

крови подобно без кожи рожденные
без корки иной

и пламя яснее — от печки от неба —
как будто проявлен ваш образ

на улице в детстве

в поле и в доме арестном

на камне и желтой бумаге

1963

Засыпающий в детстве

а высоко — река моя из д́ухов:
друг в друга вы вбегающие
и так — темнея —
вдаль и вдаль

и от ушибов дела нежащего
любимые и мягкие
вы платья странны в той реке:

не детского ли духа искрами
там в черной дали голубой

а сами — прорубями в свете открывающемся
вы в свете поля далеко мелькающие
как над полянами в лесу — их лики:

вы где-то в поле на ветру
как рукопись теперь во сне —
его поверхностью белеющей:

— светлы́

1965

Окно = сон

буря белая — знамя — и крестики — щели впервые отсюда
как от мозга от сердца и глаза
к душе (это выюгою шепчется)
бога — все резче:

больнее — все тоньше-ускоренно!—

только это окно... и просмотрятся знамя

и крестики-щели

— где-то доньями синими
все более близкие к богу —

ярко до смерти души!—

и знамя гори от меня буря белая снись
буду много: и синим — дома — разделяющий —
— как доньями — крестиков
и падалью мира убитый
за ней освещусь:

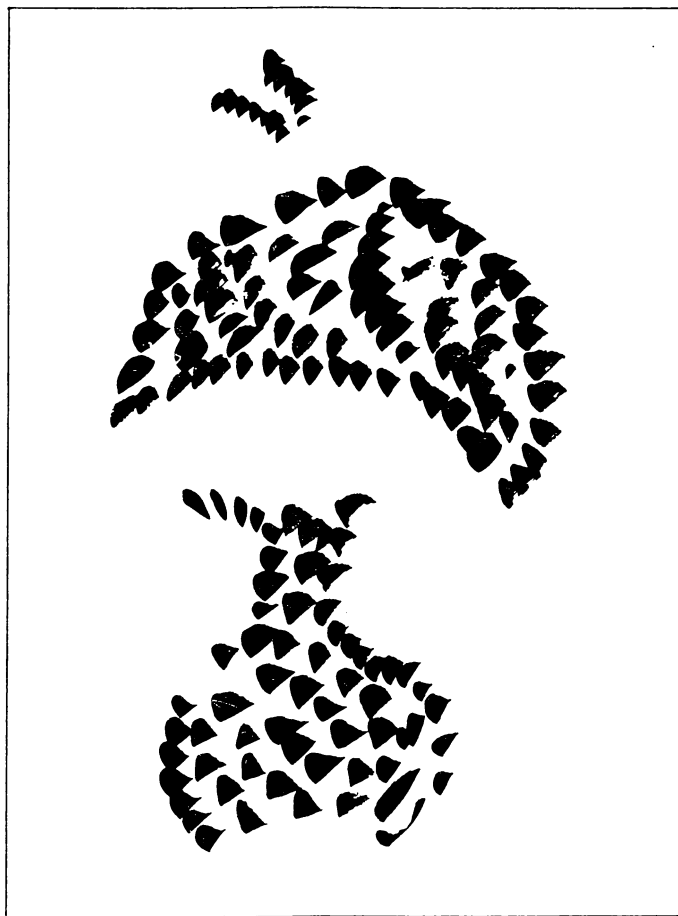
о вдаль осия

1965

**СТЕПЕНЬ
ОСТОЯЧКИ**

1964/1965

Ночь к весне

темно в снях
в одежде есть пугающее
от дерева ли зверя ли какого
пылающими островками
опасное для разума плывет

петух отметит криком оползень
далекого комка земли
и тьма хранит свои столбы и впадины
огнем неведомым притянутые издали

чтоб место белым дать полям
края поляны затенить

1964

Второй мадригал

А. Б.

спецобработка словно синим камнем
лицо твое пятнала тихо
и лампочкой зеленою на вышке
любили что ты есть

а пепел
шеей ли во сне тебя касался
как дети — слабо а потом сильней!
и горсть его как дерево уместна
при свете праздничном она она
то ль к тополию близка о через двор тропинкой
то ль где-то снова птицы запоют

а вечером жалки железки тачек
— кто более прощает чем они
зачем такие радуют уколы
и все хотели вас украсить сами
но многие не зная как

о эту рану сохраню как центр
пусть говорю я светит ею
светит существующее
скользя уходишь и уже звезда

и чтоб была она одна
пора гасить конец где я

1964

Посвящается детство

среди пятен как будто букварных
на сушащих вечером ясеня кожу для дела
есть и мои — так в лесу остаются
на листьях свободными быть

и так же во взгляде иодисто-черное
будет тебе дорогим
как для труда незнакомого
у невиновного всё

и будут серебряны милые
пугая оленьим простым одиночеством
ты — это не зная свинцова уже постоянно
дальше не будет
такое как дерево есть

«о ветер весенний в соломе над срубом
и мокрая роза
над срубом»
так тихая детством торговля
ненужных друг другу нежна —

как будто спускаются к крови звеня
кровные нас узнающие
чтоб лицами ясными — сходства корнями от нас
в несчастьи меня разбудить

и пламенем легким
слезы уже на краю освещающим
рвется от нас чтоб в себе очиститься
вместе узнавшее нас —

и где и когда я увижу
все вместе как некогда было:
город как тихий железный репейник — озера — и горы —
и льдины

и здесь же оставив — себя
вращаясь ли где-то как домик-игрушка
(мерцая ли узкими окнами)

в красной ли дымке всевидящей

или — не зная — везде

1964

Константин Леонтьев: утро в Оптиной пустыни

снова — такое же поле
как будто не видишь:

в горнице — будто — из боли своей создаешь:

ярко: в такую же — бывшую — ширь!—

снова
какого-то третьего ты вспоминаешь
что-то без слов объясняющего:

дома — при матери — снящейся словно береста!—

и — как при устье направленном в поле
в сумерках — вновь — у окна ты внимателен:

«*есть*» — повторяешь — как будто в себя помещаешь
светящее место:

— о *есть*!—

и неизменно
свежо
повторяется так словно день чередуется
ясно
и — не накапливая
что-нибудь — возраст творящее:

есть — как тогда!
за окном
беспреданно:

вместе с верхушками ветел себя Сотрясая:

Сыплет и светом и пылью
как детская ель!—

и — время от времени:

темью при комьях белеющих:

самообъяснимо — что е с т ь

1964

Праздник в детстве

заметная красным
явь опасна — любимых содёржа
невыразимо купая
в далях глаза на воды похожих
белые платья семейные

и в лице как в цвету она выслепит
бесцветную яркую
— от себя отслепит!—
иную — первичную-девичью
в лучшем теле моем она выслепит
как волны чердачные
грустно — себя и себя!—

и спокойна семейными белыми —

цветами основы свои укрывающими:

там: плачу-и-платья — как чаши в сугробе...
там: я-и-смеются...

и путает
и смеюсь

1965

Ты с конца

сквозь ветки бенгальского пламени мая
шелком ли ветром сбиваемым
тянешься так
что рябь только мыслиться может:
что же? — себе говорю
место ль не тронута бывшего взгляда
над снежною песнью ли гречки стуча по-воздушному
ау-проглянуло
и — нет?

раня себя понимаю что где-то Струится-свет-слез
может учитываться словно сады
и двигаясь
Зримое-знают-и-выше-блистая
на спящего скулах изменится в золото
чтобы страдание было единым
и там разумея
и здесь

и ночью — как от тебя одеянье —
темя — преграда-приманка в игре
для Плачется-ярче-чем-мозг-у-дарящего-выше
и есть самомысль при которой гошу
которая будет то ты (это цвета железа — охотники-люди)
то вы (это цвета кровавого)
и когда не умея все это

то в свою очередь — я

Детство К. на Влтаве

протасятся во сне зубцы костела
не как-нибудь — в метели — через представленьё
бумаги — белого цветка — и поля
где мамой ставшая уже не чья-то дочь
а задевая глаз во сне:

и расширяясь
в боли зрячей:

ромашками бесчисленными
мелькает вверх:
опять опять

и привлекает бабочек...
я-шей-женщина... и лёт как покрывало белое
еще немного — и далекое
освобождает ноги — исчезая
светлее поле шевеля —

и это плещется... и глаз окружностями
все стороны я стебля вижу вверх

и выше — сеет лепестки

1964

Лес —
ТОЛЬКО ПО ШУМУ

словно крохи навоза сухого бесцветного многого
ветром по дороге катаемые!

и ты — притихший —
будто в поле колодец:
среди и внутри

и волосами — как насекомые святые
один и много!

и село еле слагается
как сор по снегу
шорохом в слухе светлее
как где-то само

а слушающий=плачущий?
обреченное в нем будто видеть дозволенное
слито в лице — из глубин!
следы дождя направляющее как в летнее утро
по щекам и по шее
и по себе по оплакиваемому

по себе — как по розе-частями-из-тела
и все же по розе!

и после опять по щеке

1964

К утру в детстве

так избран — будто одевают!
из белого металла что ли детского!
и белотело ловится как ум
иное легкое свое
когда колеблют где-то изначала

и — как туман — со старшим будто сердцем
свобода ре́пья при реке

не острова ли о́блака-идеи
рождения повсюду белокамня
— и рядом все как спящие близки
в себе ровней телесно как для поля —
тем — тело освещающим
покой даря

и спят еще: священны-милые...
гусятницы-небесно-ломти...
трехлетки... и серебро на берегу
себя то избегает
то ловит

то дух для волн творит

1964

К тебе с конца

во тьме порезами на ней
невыносимыми
птиц привлечет на шею — пьющих
ее как серебро

я те места в ее огне где вспоминающая
мост двинет вместе с городом
и образы домов —
лишь в тех местах огня

и я ли — вспоминая лес? а если
по веткам вширь горят ее места?

и я все вещи всех возможных «где»
(всех тех где скрыта может быть она)
всех «где» которые — ее
не плавлю ли в себя? — чтоб стать одним
в огне едином словно в колыбели
пределы затаившем головы

тоскующей по шири разворачивающейся
меня-яаа-огня?

и сердца ссадины по телу и сознанию
иного даже мира потаенного
и зелень и возможно иновещи
и дно и краснота?

И: словно отделяясь

ты — в каждой точке
этой зримости!..—

как будто красной сетью бабочек
убитые
пока неотделимы —

и словно ширится:

она:

во сне!..—

душа — ты ныне — в боли — с этим схожа!—

ты — так же красным многая
и горем полевых людей себя казавшая:

единоость —

как долгое и все таящее
соборное — средь поля — знаменье

и навсегда стогами озаренная
и телом сына= то — меня
все выбираешь осветить мне поле
где ты кому-то знаменем была

и раны принимая=сеть-покроющая
ты в красных пятнах пробывала

пока был избран я тебе

1965

К посвящению детства: чистка орехов

Розоволокотные, чистые...

Сафо

о р о з о в о л о к о т н ы е! —

стаей простой:

на срубe
ореховы чистите гранки —

от зерен
и глади дорог
отражаясь:

как легкие дольки:

совместны!.. чисты —

о настолько!— что кажется: э т о м у долго
как звукоряду:

свободно простукивать:

над полем
над срубом:

воздушными косточками!—

словно на память — о бывшем когда-то:

стройном и чистом:

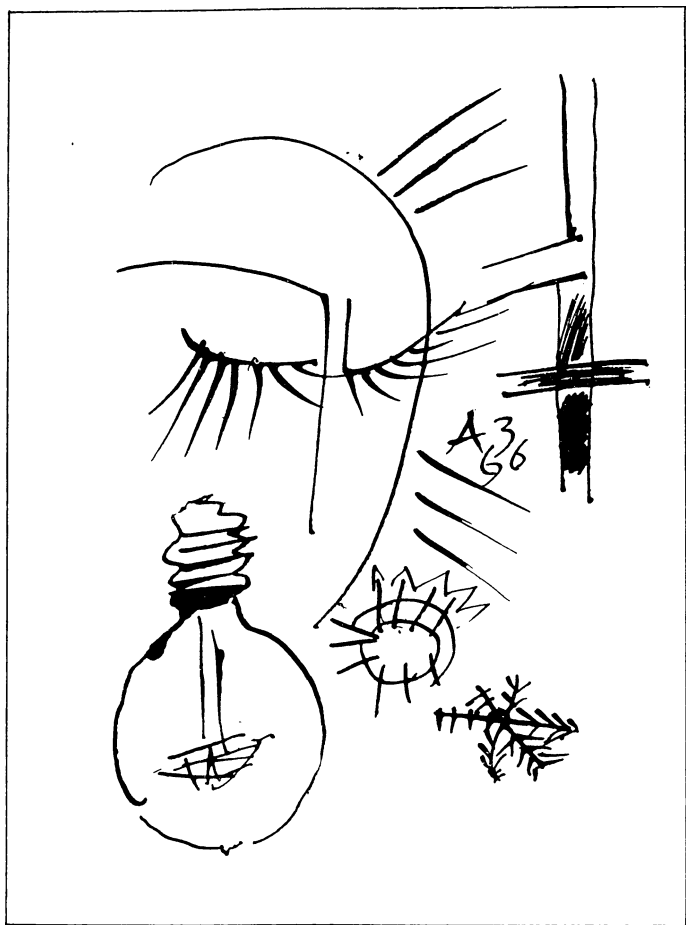
устройстве вещей

1964

УТЕШЕНИЕ

3/24

1965/1967

Восклицание бьющих

йех-ликами — будто с вершины йех-мозга
полости рук озаряющими —

острыми словно алмазы мерцающие
в глуби зеркал —

йех-ликами как образцами йех-тверди
в полости рук
ваши разрушены облики:

ликов крысиных жемчужина жаркая
в нежных проемах йех-неба свободна
как зарево в бойне!

и там где кругами тумана бесцветного
обликов ваших хранятся места
ныне клубится йех-сон окровавленный
словно в соборе пустующих ран:

йех-капли кровавые! зрения первенцы! ярко йех-струями
в мыслях сияющие!
там где понятие места возможно
есть уже йех!

и свет:

к бандитизму:

от ангелов милых —

сияет нам в лица... воркуют небесные «гулюшки-гуля!»—

чтоб лица впоследствии в ярости рвать:

«всё — это йех!»

1965

Приближаемся к лесу

Г. Гавриленко

в дневном — сияющем — девичьем сне:

рассеянно прослеживаешь
сырость облачную:

как за висками:

тени-жемчуга!—

подобно
этой смеси нежной:

туманный леса край:

распределяя по себе движения
себя тревожит:

изнутри! —

и: как душа чиста лишь тени есть и много
неясно только от чего над чем:
о удиви утешь из них одна!—

такие
острова темнеющие:

другим для зрения
не указуемые:

не торопясь друг друга ищут:

по краю леса:

вверх

1965

Утешение: розы

Н. А.

при вас и пальцы ног —
как будто вспоминающие!

и ум сильнее колет
нам голову
при вас!

и вместе вы возможно то
откуда
разлучая
вывели:

где однородны — тайною одною:

осадок гения в цветах
и ум —
первичный слой!

и все — при разлучающем!
и то же самое
и здесь:

как будто при людском —
о рассказать рискованно! —
при том о чем не говорят —

таким:
почти не существующем:

почти белеет —
словно еле мыслится

почти одно —
как будто еле есть

1966

**Снова:
в перерывах сна**

смотрящее
всегда перестает:

и день! и мир!..

единственное есть
непрекращающее —

по его ли облику
душа скользит:

как прах!—

и свет не открывается
смотрящего всегда!—

и зыбкий прах:

не озаренный!—

осыпается

1966

Розы в августе

...Это было поздним летом
Меж ракит и на песке.

И. Анненский

о как
боляще — без границ!—
вы близки нам в провалах ваших тлеющих:

как в наших чувствах —
кость лица!—

как будто
в близости вы той
когда в любимой умирающей
слепя мерещится нам бездна —

и в лица входит
разрушая
сырая дробность
белизны

1966

Дом поэта в Вологде

(Константин Батюшков)

Любезный образ в душу налетал...

П. Вяземский

а рядом — шёлка окружение:

разорванного будто в смеси —

сияния его

и дрожи:

непрекращаемой: виска —

лицо меняющей

как в ветре —

в сияньи шёлка — словно облика:

из праха!—

сущего:

всего —

из окон ветром разъедаемого:

и светом: до лица живого —

таящегося
как драгоценность:

среди шёлка:

ветра:

и лучей

1966

Голод —
1946

А было это под Пасху...
А. Крученых

от го-олода-а:

умершие красивы
ли-ицами —

те жемчуга-а опасны:

светлее соли
да-а...—

— виски ли: так — от любви распухают?—

не сердцем — а взором
естся ли это?

иное ли чистое — т а м?—

свобода ль иная?—

воздуха?..—

ясного ль дня?

1966

И: отцветают розы

нет спящего — а есть приснившееся!

подобно
пламени трепещущему!

и одиноко:

до провала:

его — никем не ощущаемого —

до бездны —
меры не имеющей:

гореть вещам
незримых мест:

основе
место уступая
всего:

и праха:

и души:

так: рассыпал бы я с себя!

так: «Эли! Эли!..» не было бы сказано!

так: розы были

так:

их нет

1966

Сон: очередь за керосином

и в ряд стоим — спиной друг к другу:

проталкиваем
передних в лавку:

вода и кровь от матерей
в одежде!—

обнявшись
прыгаем во тьме:

лишь где-то:

лес:

готов как будто
до дна — раскатом — озариться:

меня проталкивают:

«как душу именуешь?»:

сквозь ветер я кричу:

«о может быть Тоска
По — может быть — единственному Полю?»:

и останавливаемся:

эхо к нам доносится:

друг другу руки мы кладем на плечи:

и так же прыгаем во тьме:

и в вихре мы
белея
открываемся:

как будто сами — место для прихода
кого-то:

словно яркая поляна:

где ветер
как виденье
носится:

нас отовсюду ослепляющее:

и слов не слышно:

ни о чем:

не думается

1966

Розы с конца

и уступаете вы место
дальнейшему:

уже незримому

тому
чей трепет обособлен
чего и воздух не коснется

чему не содержаться в мире
в пыли движения
и времени

и ради торжества которого
заранее
распад задуман

и вашей белизны самой

1966

Степень: остоики

Варламу Шаламову

Вы сами уже посещаемы чем-то похожим на зарево:

и образ возможно
для всех состоялся:

от всех независимый:

не пламя ли это незримое нищенства
в ветре бесшумном:

недолгого облика?—

или возможность опасного е с т ь:

в освещаемых лицах —

как будто
раскрытия ждущих:

как что-то хранящие?—

или — не-явным накалом (как будто уставившись
зрением неким болезни неспешной):

всюду — невидимо — всех озаряющее:

о н о окончательное
Слова-Огня:

давно охватившее
даже места уже наших предчувствий и мыслей?—

оно ли везде словно в ветре бесшумном:

без вести без духа:

само занялось?

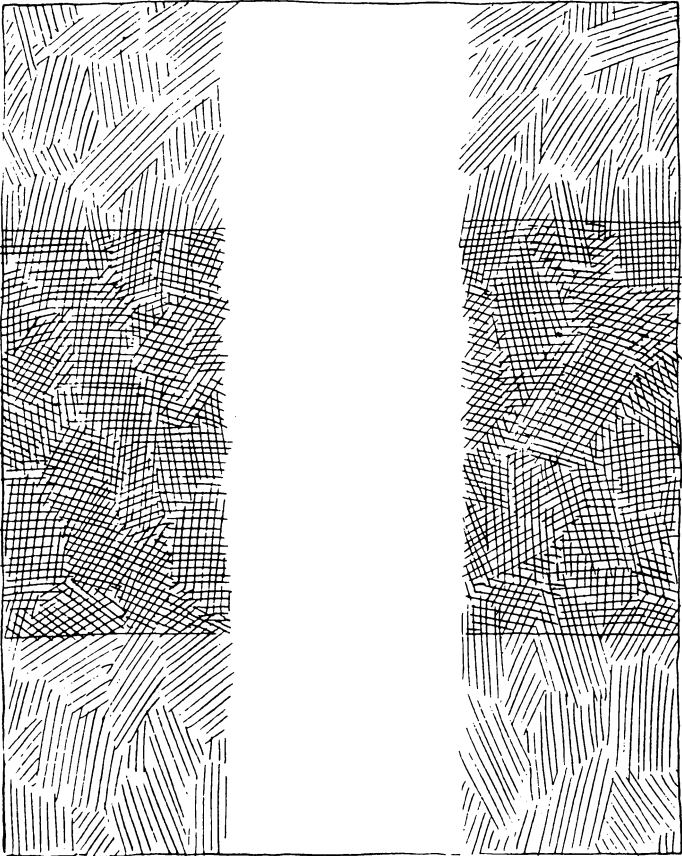
1967

ОДЕЖДА

ОДЕЖДА

1967/1970

Сон: дорога в поле

зачем тебе — почти несуществующему
искать другого —

праха не имеющего?..—

что от дороги примешь? тень ее
содержит что-то...

пищу неземную:

не там она... тебе не обнаружить
следов того —

кто раньше посетил...

1967

И: как белый лист

в прахе нет гласного... смерть — это звук:

к богу ли — крик?

он — в поверхности праха:

что же — п р о с в е т?

о не жертвы сокровище:

не представлень!.. не звуки и песнь:

а — о с л е п и и п р и м и:

и о т к р о й с я — к о л ь е с т ь о б н а р у ж и т с я:

о т и ш и н а - и и с у с !..

1967

Утешение: поле

в образе — в прахе (как в облаке алом):

поля (как в зареве):

поля (как духа):

ты пребывай
о молитва (бессонница) —

словно окрашиваясь! —

радуя (слабого):

(о из огня его:

долго:

до грусти!) —

словно в соборе! —

свободно окрашиваясь:

(зная что будет):

и мысль не приемлющее! —

вечно (как ветер — собор бесконечный):

о независимо!
(ибо без праха):

без столкновения:

поле (как дух)

1967

Место: пивной ларек

о видно
соборною силой
езде проявляется:

з а р е в о г о д а
как облик страны:

любой:
отовсюду: огонь: для накала: притягивая!—

ведь э т о— не крик!
а широкое
все-озарение длительное:

сквозь что-то чешуйчатое
влажно-шуршащее:

долго: над все-головами: как будто раскроенными:
все более ширящееся:

выше: огнем-окончанием! духом огня!—

чтобы сверх-над-обозначено было:

выше возможностей звука:

«с т р а н а!»—

как — сквозь ключицы!— сквозь лица:

даже не образом смысла и звука — скорее пространством
идеи-отчаянья!—

ярко — как будто огонь-рисованье:

кровью-безумьем: из недр родовых!

1968

Утро: метро: утешение

за то что гулом нет Отца в Нем-Более-Обширном:
в поле родины:

за то что цветом тела родина
зовет до-надругаться: цвет таков!—

за то как кровь Ты проступаешь
в том нищем Сумраке-Что-Я:

о Буква Слова Огнь Фигура Огненная:

в сверх-драгоценной собранности некой
как будто в облик превращающаяся!—

за то что тают
будто
в лицах:

места — от мертвости страны:

как будто с жертвы перекидываясь:

как будущие в них — провалы:

— так все — всегда — при жертвах отмечают! —

за то о может быть за то
за лицами Ты есть — основой оплакиваемой:

преображенная в огне печать
из матерьяла будто бы Пред-зренья:

где детское еще — от счастья — тело радуется!—

и плачем и поем
условны Пред-слова:

и даже имя — как Огня Одежда:

кричим крест-И кровь-У:

кричим — как — воскресаем:

как миги воскресений есть
и и с у и т ы в звуках!—

и Ты: Бог-Криком-Рассекает (вначале же младенец мать:
сам Бог — в начальное играющий)
да: рассекает — до гниенья-слоя
забытое когда-то Тело Раннее!—

огнем Фигуры душу отделяешь
во тьме в метро во мне вдали в туннели:

от той — в пространствах Теплого нас ждущей
особой Смерти — будто деятельной:

в преображении: в спешащих — будто плачущих

И: яблони цветут

теперь иной
и воздух снов:

так ярко дни цветут: порезами
в их свете свежем — в том что станет памятью!—

и в тени женской (и все более
дочерне-бедной — от твоей же бедности)
следы у вода из дому ты видишь
среди цветенья засыпая:

провалы — в призраке: как будто рядом только что
ножом ударили и осветили:

и в сумерках—ц в е т у т
(как в этот месяц яблонный)—

и цвет-их-нож в безумие опущен:

замешивают кровь — как воду!..—

воспоминание?— ты сам!— не о тебе...—

и все же — т а к опустошат шаги-что-до-порога!—

установленьё — в жертве — ран:

крестьянской — плачем-краснотой...—

и дом — как поле где недолго
еще ты — ощупью: как в ветре ино-поля...—

(«прощай» среди слов — как некий Бог Бессмыслицы:

еще — пребудет «был»:

как след Его пустой)

1968

Служба: утро: бумаги

В. С.

а вы — не окружение такого-то
а лестницы в себе где нищенство — как зарево:

о проруби болезни! словно кем-то
они всегда направлены:

со смыслом!—

о в каждом есть — распределение их!—

и введены — чтоб разрывать:

и чтоб в разрывах
словно в некой рукописи:

то что важнее нас
как некая душа:

не наша — а во имя нас!—

как будто сквозь просветы восходило:

чтобы в сиянии исчезнуть
неком!—

и — «все вы все» мне думается чаще:

«о как вам до конца выдерживать
все что случается
со спинами с одеждami?»:

бумагу рву: «ведь сам не отличаюсь»:

и — п р о р у б и сквозят...

то тут то там по л е с т в и ц а м:

сквозит лишь холод — ярче чем бессолнье

1968

И снова — лес

что за места в лесу? поет их — Бог
и слышать надо — о уже пора!—
их не во времени
а в высшем голосе:

где как идея ночь светла
и ясен день как Бога ум:

пусть — так поют ся! это наше счастье
что так их можем представлять!—

но есть — не только представляемое:

есть светлое один — в любой поляне:

как важно это для меня!—

то рода свет (одно и то же гласное:

поет — во всех местах в лесу
его один и тот же Бог)

1969

Ты — немного — в весне

что — гниль соломенная
и — жизнь при ней:

и чувство — словно ветер — в этой жизни?—

плач — будто с отражением свинцовым
несчастья жертвенности и Прощенности Заранее:

любви к серебряной — и кровью каплющей —
повсюду бедности!..—

(и свет — как ветер — так и клонит вкось
в пустом сиянье памятном
солону давнюю — как сестринскую: чувством!—

родную — будто шепчущую:

в раскрытости болящей...)—

да входят рукава
в крови во льду
в тот круг...—

теперь — когда уже отдалено
всё — словно с ризной белизной — в слезах!—

самой любви сияющей одеждою

Белый шиповник в горах

кто озвучивал белое?
флейтой какою?
кого проявляешь — сияя?..—

..... —
ты — сон мухаммада...— а было начало его —
как детей той страны что душою давно уже избрана
трепет духовный!..— детей:

Белокостных:

Опор — на равнинах!..— и словно пронизанных
гласными — полости солнца подобными!—

и — длится он явно:

сон мухаммада!..—

есть он — в горах!— пребывает в горах продолженьем его
и его глубиною:

белого — в высшем накале — сама Белизна!—

не до-увидеть — не только глазами:

но и души чистотою:

пламенем высшим — уже и не жгущим!—
ее отрешенности

1969

И вновь: начиная со сна

как с о н звучит?
идеей-гулом
в словах не бывшего еще
какого-то «о-есть-уже-готовится»:

он — т а к звучит!
а из чего же строится?—

сон — будто западня-из-шелка
и — доберутся до укрывшегося:

достанут — словно острием!—

пробьют — как полог: изнутри сияющий!—

и будешь ты уже раскрыт
для Зарева Страны-Газирования:

теперь — проверят э т и м Духом:

окажется — тогда — такое:

ты — Кость-И-Раненная = о-В-мире-место-есть-твое:

болишь — и Разом-«я»-ты-есть
ты — рода место
точкою такую:

Открыт — ты — в — мясе — до — ума!—

такую — выворачиваемой точкою:

то в Коридор-Народ то в холод=Слова Нет

1969

Снова:
места в лесу

опять поются! есть! опять они
звучащие — везде — одновременно!—

опять к тому же часу
к пробуждению:

светло
— поляною-страданием!—
недвижимо
и ясно — нескончаемо!—
и будто стойко было утро
во мне: как в мире: целиком:

и там они то место поместили
среди им родственных
других:

которое я знал когда-то!—

светился
словно счастья час:

высокой
ясной серединой:

боярышник — при пении молчащий
как бог молчащий — за звучащим Словом:

молчащий — личностью неприкасаемой:

лишь тронь — и будет: Б о г а н е т

1969

Černá hodinka: на могилу К.

О. Машковой

о свет безымянный
людей бессловесных:

об их пребыванье уже по-иному — как будто
о новых страстях! — не для мира свидетельствующий:

нищенство — всюду во все проникающее! —

светится им
как известкою божьей:

поверхность столба надмогильного! —

а е с м ь е г о — словно вещественность
нищенства внутреннего
(знаем как боль
и достаточно):

(боль еще знаем):

да: нищенской в е щ ь ю
светится э т о средь вас
в Вечере-Мире явления-Праги
памяткой — знаком — и — памятником:

миру который теперь — только боль! —

и язык Мира-этого-Боли
держится светосодержаще:

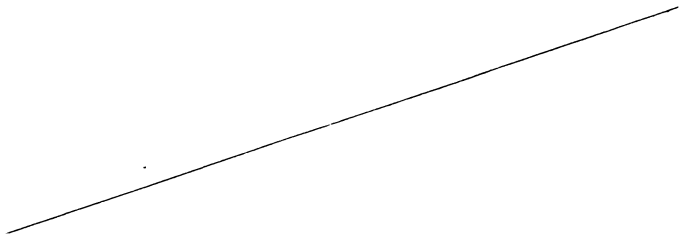
нищенской — новой — вещественностью:

есть он — не действуя!
как понимание:

жертвами:

жертв

1970

**ČERNÁ
HODINKA**

1970/1973

Поле: в разгаре зимы

Рене Шару

бого-костер! — это чистое поле
все пропускает насквозь (и столбы верстовые и ветер и
точки далекие мельниц: все более — будто из этого
мира — как не наяву — удаляющиеся: о все это — ис-
кры — не рвущие пламя костра не-вселенского)
есмь — без следов от чего бы то ни было
не по-вселенски сияющий
бого-костер

1970

Снова: ТЫ С КОНЦА

о все ты подрагиваешь
образа-Духа

прозрачную падалью! — тонкой как боли узоры — проколами: нам иногда представляющиеся:

о так пребываешь! — как будто распада уже моего
очертанья — с кровоподтеками в складках (бумаги
как будто прозрачной):

видно пила из источников свежих которыми все мы поблескиваем (ими сияя кончаются ярко дороги болезней: прохладно и ярко!):

о все еще есть! —

и кровавыми будто бы ветками:

«я»-состраданье «я»-сон и «я»-память образ задерживают: кожа такая=Всё — там — где живем — так мертво — словно комкают! кожа такая — лишь это:
и сам превращаясь в такое же: я представляю:

и — качество жертвенной раны в глазах! —

мир — это: нет никого уже больше! — и только о жизни — такой уже трудной — что вечности качество
будто в ней есть: о такой: окончательной будто! —

Рана-Глагол:

говорит сквозь лицо

1970

Розы в горах

откуда боль?
желание не быть?—

иль иногда мы знаем:

сама «я»-красота
вдруг: т а м:

которую мы помним?—

как смерть: и рядом и недостижима?—

не-действующая:

а чистым бого-голосом:

(без цвета
без идеи даже мѣста!):

(как дух
где боль уж не содержится):

все более
и более:

«я»-красота
что может стать
единственное е с м ь?—

как бого-красота!—

(а что — для нас?—

идеей
будто
нищенства:

окружена
пока
и болью цвета:

и болью — может быть — души)

1970

Славя Пребывание

З. К.

вся — жизнью знаков!..—

.—

некоторые — схватывались
тем Знаком Скрытым что во мне
горел и жаждал пищи знаков:

(да: пищу знал я ту
ты — помнишь благодарность) —

но возраст страсти
может быть
уже таков что дорога
все более нам этих знаков целостность
и полнота их отрешенная!—

да будут: без борьбы
лелеемы — свободой...—

и говорю я — славя «Ты»:

пока как мысль моя
то место в мире есть
что золотится отраженьем в чувстве:

что назову я Пребыванье-Ты:

пока оно — как стойкость некая
среди прерывности природы:

(и может быть при отменимости!):

все — емко и свежо: письмом прозрачным мира:

и тайнопись твоя
в нем — для меня — как песнь!—

и так свежа заря как только что — от Бога:

и поздний сон — как целый мир — свободен:

все — мира чистый разговор!—

все — само-переклички мира
голосовое очищение!—

ничто — не шепот
не вопроса ветр!—

лишь поле — словно духа облако
через тебя проходит спящую
подобно смутным письмам:

(да будет ширь его — как друга посвященье!):

о-веется-как-будто-вечно!—

и шорох этот нам не слышен:

в тебе он тонет вещью сна

1971

Поле: туман

Сестре Еве

а сердце проваливается! — вдруг — представляются мне
состоянья тумана:

определенья — как счастье и горе просты:

т у м а н — лишь «люблю»:

з а д е в а е т о н с р у б — («душу б отдал за это!»):

ж н и в ь е у в л а ж н я е т — («оплакиваю»):

с т е л е т с я — («плачу... — как будто прощаюсь всю
жизнь я с Родимой и Нищей в родимо-печальном ее
одеянье: всегда — навсегда — домотканом:

с болью оплакивая
уже навсегда — в состоянии этом»):

«плачу» — (и стелется — так же родимо — и одиноко —
туман)

1971

Снова: возвращение страха

К. Богатыреву

друг
мы секунду в ночном пробуждении знаем
подобную
камере яркой!—

где вздрагиваем:

словно поверхностью страха вещественного:

лицом! — уже ставшим как место где род погибает!
о так оно развито друг мой у нас! это — чувство
само: о когда же прорвавшись за лица — как в За-
рево-Душу — и точку сознания-любви расщепляя —
проявится То что за Жизнью-как-вещью? —

когда ослепят
и разрушат:

в ы с ш е е з р е н ь е того-что-я-Есмь:

огромным как эта страна окончательная
ярким и не-отводимым
такой напряженности холодом — Духу подобным:

как сущностью Этого Места?—

когда же
глубинам хранилища страха
исток его — будто идею таящий!— раскроется:

сжигая я-Мысль!—

до дна иегового

1971

И вновь: боярышник

В. Сильвестрову

о леса́ голоса́-места́!—

опять
как годовщина некая
пора их ясности
и силы:

опять
они в соборе том же
где нет уже
для них потерь!—

и образом такого часа
светящееся среди них
что хочется воскликнуть: счастья время!—

поет боярышника место:

поет извечно-младший Голос:

как самый божий!
и все больше самый:

тот голос что как Бог ведет:

«я»-голоса́ объединяя!—

сбором из поющих мест в лесу
все божество поет!—

становится

1971

Две березы

а драгоценен
сердца свет
когда — без примеси и скуден!—

увидеть бы тем светом вас!—

березы (две — за одинокими — как «есть» умершего —
воротами с печальной вывескою «Ясли»):

березы (как вода
что в лед обращена)!—

увидеть бы вас
сутью нищенства:

как зрением очищенным:

о: просто: чистоту!—

:

(такую: словно Богом произносится! —

и чистотою
сердца
д л и т с я) ...—

в прозрачности же
личной

смертной
ее бы сохранять — беспмятно:

подобную
двух слов совместности:

«Спаси Помилуй...»—

:

таково
сиянье ваше...— в воздухе — просвет:

(мой шепот — Знаешь...):

словно — место Духа

1972

Долго: Солнце

долго

(и в той долготе — непрерывно-внезапно):

за однородным
соборным потоком:

(высокой молитве подобном:
без слов без отдельности мыслей):

за этим струением
стройности чистых осин:

Ты — родственно зрящее!—

живо — как сок —
сообщающееся:

(живое — как будто лишь чистою болью
трепещет возможная жизнь материнская:

кровью: незримою ясностью!):

живое!— и не прерывающееся:

единственно — ярко и суще — как кровь!— отвечающее:

словно незримое!— некой душою единственной
в с ю д у спокойное:

Смысл-Солнце!..

1972

Ты — ликами цветов

Господь, Ты — ликами цветов на том — раскрывшемся
мне — свете

самих цветов!..

(О, как бело, пугающе! — как память о белизне от-
хоже-яркого!)

И вглядывается душа:

вот — крест-цветок и циферблат-цветок, цветок-ча-
совня и цветок-собор, и — Господи! — цветок-«я»-Мер-
твое — в себя (пока живого) всматривающийся.

И — отступи, душа, пред самым страшным,
сияющим, все концентрируя,
сияющим, как будто властным
все исчерпать, приняв в себя! —
(еще немного — и меня всего!).

Не вымолви, душа, «Господь-цветок»,
чтоб не успела Смерть раскрыться в нем.

1972

Окраина: тишина

(Памяти Поэта)

Н. Я. Мандельштам

секунда в пробуждении:
застенок-чудо!.. тишина...—

(светло и странно:
камера-секунда):

и светом-сталью
отблеском-зубцами
не входит день
в Я-есмь-лицо...—

(как были льдисты те зубцы когда-то!):

не входит
в крошево его...—

и части не раскалывает
пульсирующего зренья-белизны:

(как детский свет страны — та белизна добытая
не-действующей детскостью:

и так спокойна словно детство родины
и ширь хранит
и свежесть)...—

и атомом-молитвой-точкой-страха:

(жемчужину б
ко лбу
чтоб утишить!):

и всюду-кожей-страха:

как будто распыленной:

есть — как Творенья зримость — есть:

губ тишина...— воспетых ими же
когда
живыми были просто
как тело
как любовь!—

:

(и почва тем губам — теперь секунда яви:

очищенная за ночь
дочерне-женским сердцем
в непреходящей боли:

и есть в ней — как Творенья вид:

лик голоса:

«да
я

лежу
в земле»)...—

:

и ш е в е л я т с я
губы — свето-сгустки
превосходя и зренье
(как нечто «до»— при зарожденье света!)
и все же ярко-есмы:

(и зримо-разрывающе: «Я — Есмы!»):

во-Всем-что-боль
и — свет!..

в застенке-камере секундном

1973

Родина

(Поднимающийся под навес)

Р. Макклейну

*Когда говорят мне о Н е й или
мне вспоминается,— вижу я издавна
и постоянно —*

это, именно это.

*Также, ты знаешь, шуму какому и
я р о с т и здесь откликаюсь я—братски.*

1

одно и то же дальний друг!—

безостановочно всю жизнь
взбираться сквозь труху соломенную
все больше льдинок видя кожей
сверкания в соломе мерзлой —

(глубок — как сон — тот коридор):

в крови меняясь
(и как будто
руками словно в чаше некой
в себе расталкивая сгустки приплывающие):

всходить
взбираться под навес —

и сквозь труху — изъеденность-солону
пробиться — в день!— как в яркость волчьей музыки:

в простор — в незримость их свободных душ!—

и в бесконечное Сверканье Голода —

— сильнее Духа
душу очищающее!..—

вдруг: все сиянье — в дырах! и:
бьет Холод
бьет Громада-Холод
в лицо в тряпье за шею в дыры в шубе:

и в-слом-в-прострелы-света-что-в-душе!—

(как плачут в доме! плачут — как на мир!
все отдаленней!.. солнечно-стально!)

2

и делом будет
и судьбой
непреходящее
и не прошедшее
существованье-зрение-разрушенность:

судьба — все так же разрушаясь
все ярче видеть
все ускореннее
распятыя света за рекой на мельнице:

(холодной дальней как звезда упавшая) —

и света этого расколотого
как метеора камень
вдохнуть навеки к а ч е с т в о —

в с е о т м е н я ю щ е г о О д и н о ч е с т в а:

(как солнце — более страны):

такого — что и небо будет: болью!—

такого что не будет утешений
богатством чем богато нищенство:

(народолюбия
и лже-спасательства) —

что как прозрачность Свето-Голода
съедая ум — от боли очищает!..

3

и был — изъеденностью:
долго
не-учтенно!..—

и съедена
отобрана и вобрана
тем качеством не только дар — но даже в мир
запущенная
сама ненужность одаренности —

как будто неким заревом-накалом
распад любой бесследно впитывающим!—

(как оторвали? кто же «я» теперь?—

и в мире быть всегда уже — нигде?)—

и все ж — на той сверкающей вер-
шине! —

(так обработан — чтоб — везде — носителем
быть свето-прорубей-и-ран:

не говорить — сверкать о родине:

на мир!..

на холод

на исчезновение...)

4

и продолжается — хотя бы так — сверканье:

уже — как после нас! уже и после тьмы!

(где светом были люди — там всегда

творцы темнели

Душеедства —

с тех пор — не матерьялы мы

сопротивления

и право-чувствия)...—

все более изъеденное — все!

в уме — как в корне: в свет!—

лишь скорость выжигающая

5

лишь в памяти еще — пространство обезличенное
где волчья жуть: сияньем — души режущим
как будто души наши — там

... и так ускоренно что нет уже и душ...

.....

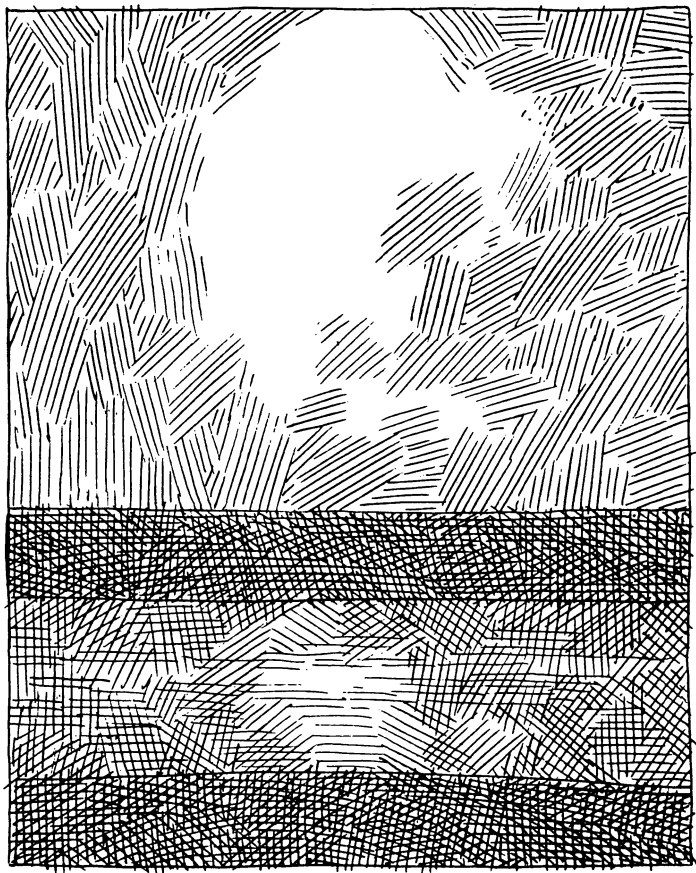
(а т а м — затылочно-раскальвающе
как плачут — в доме! в брошенной: горою:
стране — с названием! железно-льдысто плачут
все отдаленней: солнечно-стально!..)

1973

**ТИШИНА—
ПРЕД—
УПРЕЖДЕНИЕ**

1974 / 1976

Ты моя тишина

о тебе говорю
я окраинным звездам прозрачной зимы: «о как можно
быть такой тишиною?..»—
ею — может быть — я окружен как безмолвием поля
с мерцаньем участливо-ясным
но не очиститься
душе моей зыбью ее и волнами неслышными
как проясняется сон мой — как будто давно — без меня —
уже бодрствующий
приснившейся в этом году белизною
такой милосердною — к миру...—
но когда-то — возможно — убудет и цельность твоя
и твоя полнота неколеблемая
столь простая и ясная как благодать
хоть на каплю слезы за меня
и когда я исчезну — ты выскажешь горе
без слов — только отблеском горя
а взамен — словно вздох — примешь чистую долю
и стойкую меру
такой пустоты что и жизненной будет и смертной
словно там где не может быть Духа
пребывает Его утешенье...—
но — люблю я и знаю: для Бога нетронутый
сохранится твоя тишина

Места в лесу: вариация

*П. С. (В Казанскую психиатрическую
лечебницу специального типа.
Вместо письма)*

о лес! — собор — все ввысь и вширь сияющий:

из голосов:

из мест в лесу!—

и золотом
Убежища-Сокровища:

сиянием Отцовства светится:

та бесконечность Бого-Празднества!..—

:

т а м — слух мой...—

и — двойник его:

в сиянии там чуток мой избранник:

боярышник — при пении молчащий:

как метроном божественный нетронутый
лесного целомудренного Детства!—

он — П р е б ы в а н ь я
неущербный образ:

там — только е с т ь
(не существует — б ы л о)!..—

:

и слух — не одиноч!..—

с душою-слухом
твоим
со-пребыватель и з о л и р о в а н н ы й:

мерещится мне
в боли-озарении:

(как в золоте самом основы Торжества!):

т а м — встреча...—

словно мера неизбывности
что в нашем п р е б ы в а н и и возможна!..—

:

(о лес!
доступность
золота Отцовства:

как мысли ясность!..) —

где-то звон его
и свеж и легок!..—

:

(счастье-тишина)

1974

Плач-и-я

И шел я
по теплому сору
своей же души.

(И знал: что когда-то
вели Его здесь,—

по Золоту-Морю равнины,—
среди сора тоски и страданий.)

Однородная с золотом
глина отваливалась,
когда подымался я в гору,

(я трогал руками: живая была, словно песнь!),

и обрывками плача
все — в пустоте — отзывалось:

и далекие полости хижин покинутых,

и мертвых деревьев
телесное будто тепло,

и не-людская
напевность щемящая —

Золота-Глины: во всей бесконечности: Золота-Глины.

Шумят березы

В. Корсунскому

и сам я — шуршащий:
«а может быть Бог...»—

шепот в березах:
«умер...»—

и мы
распад — продолжающийся?—

а почему бы
и нет?—

одинокое и пусто развеется прах...—

(шепот берез...
все мы в мире шуршим...)—

и снова
Воскреснет?..—

...даже не больно:

как навсегда...—

шум — как об этом!..—

.—

(словно покинутый — осени шум)

1975

Поле: мост: травы

Г. Юмаргу

вздрос
проявленье

в поле в безлюдьи

(да: снова немногие да: за селом)

— немногие травы как светло-головки
где-то в свечении яви легко отдаленных
все же при сердце всегда возникающих
легких без слов сыновей...—

и обвеваю
прежней живой золотою чувствительностью:
о не развеять!— светла
и в полете — как дома!—

да вот еще: ветер! как будто самоизлученье вселенной!..—
такой беспрерывно-блистающий ветер!..—

в открытую ясность
слуха все-родинного
светит — и ранит как душу:

езде обрабатывает
сиять золотистым дроблением
воздушным да в крапинках крови
(в каплях прощальных
страдания мысли прощальной) —

ширя — с собою — родство
в лучах — как в сознании на воле
до боли родимых!..—

:

— ...да присоединяется лес своим шелестом

1975

И: об уходящем

когда задерживается
распрощавшийся —

молчат...— лишь изредка
падают листья —

безвестья никчемная
(долго ль?)
заметность...—

в глаза не смотрят...— в застолье тихо...—

и лишь свеченьем
свободным...— чуть-чуть отстоящим:

держится (с вольным — от всех — назначеньем)
и есмось хлеба (да им пережито
будет и место!..) и рядом — немногость —

вещей — притихших...

1975

О да: Родина

была как лужайка страна
мир — как лужайка
там были березы-цветы
и сердце-дитя

а как те березы-цветы ветром этого мира сдувались

и розы-снега
окружали как ангелов-нищенок вздох
сельских безмолвных!..— и с их Свето-Жалостью
вместе
светили

(здесь — место молчанью
такому же долгому
как их бесконечная жизнь)

мы назывались — *Сияния этого* многие
каждый скрепляя
свеченье живое
вторично в страданьи

(та же
и здесь
тишина)

и слушали-были: что чистота скажет Словом единым?

не прерываясь
лучилось:

мир-чистота

1975

Такие снега

я писал бы всю жизнь
«Чистота Белизна» —
возникало б как шепот как ветер световой утешенье —
прекрасное малостью:

— для себя — мне достаточно этого...—

(жизнь проходит как будто ничья
и светла ее бедность...—

и блаженство небольшое — словно проверенная
Богом — не-смертная радость:

птицы ль любой иль травы...)—

вот и видно — пора: обновленьем молитвы вернейшей
шепчу я: «снега»... да свершится и с миром про-
щанье (чтоб без перехода у с н у л о с ь — как
день завершается: словно Господь: без воздейст-
вия силы чьей-либо):

да скажется вздохом: «снега...»:

..... —

(а мир — он так просто-огромен
что даже и смерти — нам ведомой
для преображенья в неведомо-высшую
нет места иного...—

мы в нем — как умершие травы в своих семенах
покрываемых снегом...):

.....—

(и да остаются — как вечные...):

.....—

да вздохом-душой озарится! (о как же — дол-
жно быть — в отс у т в и и страшном
все-зёмно чиста и едина-мгновенна
чудом — мгновенно...— душа)

1975

Ветка вербы в окне

(Памяти Константина Богатырева)

Оцепеневший от несчастья и покрытый
леденящим туманом, я проснулся только
тогда, когда пришли известить меня, что
мой лучший друг убит.

Пьер Реверди

ветка ветка
все та же
весь месяц...—

душа золотится
в квадрате окна!..— а сквозь это:

ВРЕЗ —

(как говорят в их редакциях):

перчатка — железная — чтобы — погладить!—

и кровью цветет
семьи и души пронизывая
ветками гулко-внежизненными в их одиночестве
КРИК-ЧЕЛОВЕК
не имеющий эха —

(все поле мерещится поле пустое о минус-мой-друг
Боже! такой же заброшенности
мокрой как кость
такой же оставленности) —

(из яркости дня
в души просачивающаяся
тьма безущербная
с сверх-твердым беззвучием
неиссякающим) —

...о светит сегодня
одинокое по-зековски и окончательно
Кровь-Мозг
раскатами Полости — созданной наспех
тоже строительством их
и отстранение только такое
было возможно
от Быдло-Истории —

(такими раскатами кормится
это с в е р х-М е с т о) —

...а золотится душа и задегивается
живая
в окне... —

и чистые в днях и ночах
только ветер да свет! —

не-текущее время — застывшее поло-бесцветно
пустым монументом победы Не-жизни:

время которое высосано
до пустоты
где проклятье не действует —

(друг — знавший начало безмолвия друга) —

...тьма
я
на ощупь —

как в поле сыром...—

(«друг» — говорилось...—

друг
тьма —

друг
я
на ощупь
на шепот
на ощупь —

я
друг)

1976

Друг мой —
дерево — из окна

о старости б и одиночества
холодного стойкого!—
да только бы — сразу же!.. вмиг — в эту
ночь — до конца!
такого бы холода и одиночества
как этого дерева
простая (и даже бросаясь в глаза неприметная)
не покоримая — никем!— незаметность
мерзлость достоинство и обособленность
да непричастность (о Боже! какая
невообразимая — здесь — непричаст-
ность)

1976

Триптих с жасмином

(После гибели друга)

1. Жасмин — с ходу

Жасмин —
как удары ножом.

И молнии мозга
в ответ.

2. Стихотворение-картина

выписать тщательно меховое пальто с многочисленными
пятнами крови:

картину — назвать:

«ОСТАВШИЙСЯ — ПОСЛЕУШЕДШЕГО» —

(на полу перед дверью)

3. Разгар-цветенье

к р о в о т о ч а щ и е р а н ы л ю д с к и е —

с а д ы и х

в о з д е л ы в а т е л и — к а с т е т о м о т ы г а м и

(М о з г — Д е р н

С и я н ь е — О т е ч е с т в о)

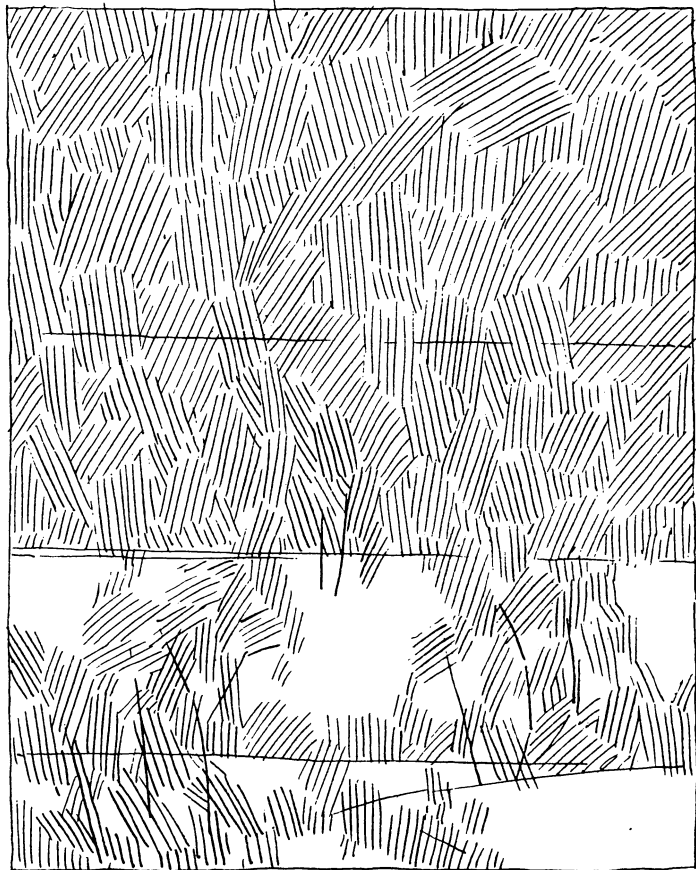
1976

Ночь — лучшее время, чтобы верить в свет.

Платон

**ПОРА
БЛАГО-
ДАРНОСТИ**

1976/1978

С утра кусты жасмина

а зарей собирали
из мглы островки
своей августовской торжественно-праздничной
зримости —

вплавляясь все ярче испариной белой
медленно в Солнце — столь твердо незыблемо близкое
как Отчий их дом
входя в его горницу в плотницко-русском сиянии —

священнодействием

1976

Мир-Сосны

отцы — столь крепящие
в мозгу все отцовское —

сосны сосны хоралы хоралы бесшумные:

в пробуждении Мира-Единого
огромностью Сна оказавшиеся
избыточностью непредвиденной
Сна о Себе —

как величать это? — о *Beatitudo*-Светило! — где слиты
пред-облики Мира и образы-вы! —

вы — корня касающиеся
Огромности я-человека
так — что по Мира ветвям
сознание — то частью Огромности
то беспредельно — по вашим ветвям:

жизнь — это мало! стремление к смерти —
не к добавлению!—

вы — пред-Слова а потом уже будет адамо-Сиянье
Грозóвое Слова:

o Facies Totius Universi!—

вы Отчие! — Цифры Набата — о Всеохватности:

Очередного Великого Вечера
Вспоминанья — обратного нашего Изображения в Мире
Солнцедвиженья Реального Смерто-Задержанности:

Музыки-Мира и Крико-Вселенной!—

и Книги где соснами пишутся сосны!..—

.....—

Deus Absolute Indeterminatum

1976

**ФЛОКСЫ:
И В ПАМЯТИ — «РАДУЙСЯ»**

(К празднику 1 августа)

а начиная ли
с Места?—

да: как души простота
(детской) как вольно-прозрачная
ее направляемость
в покое своем:

где устроенье-вбирание солнца
бесчисленно-краткое (рябь
детских-почти-что:

родственных — малых — родных:

детскостью-мыслью
легко обласкаемых)

*(праздник обители
о Серафиме
также и наш всечестный)*

да: начиная
оттуда
с такого
как ветра прозрачность:

вздрог: и звездó: многократно (следами рождения
влажно-блестящими):

(каждый — как будто среди душ
где душа — не число) —

в свежести
в ветре!..—

вздрос:

(и знакомой душою
в своей же душе непривычной):

дыхание-нежность!—

(детское сердце в безболыи — как в пеньи:

вздрос-похвалó:

в веющем свете: окрестности-в-свет-вызывающем)

а Место?— всё больше — как пауза:

где свеже-рождение — ветр!— прокимéновым
мира присутствием!—

в котором
совместно с его повтореньем —

возникновенье (как пятнами рдяности цвето-ответ
в материнском спокойствии)

возникновенье
и в-ряд-устроенье:

(блик-и-ребенок-и-облик
свежесть-и-блеск!—

из хрупкости мира
как первоосновы) —

с допуском ясным
и зримо до ах-простоты!—

каждый
трепещущее-каждый
(словно средь душ где душа — не число) —

источниче
приснотекущий —

пресветлый светильниче

1977

Возвращение: сосны

Достаточно — этого. (Быть — еще раз: Пребыванье открыть — словно Землю.)

Отчая будто Стократность — в Незримости: Сно-Восприятием.

(Так — до названья — мелькнет человеко-рожденное: станет «я»-домом — Любви.)

Вместо «я жил» — благодарность: сокровищем нищего: в веянье этом (как зренье).

Так же — и слух.

Устойчивость ясная Гласо-Возможности — той же Стократностью Отчей! — Тень — Чистота: в едиющем Безмолвии Незамутняемом.

Были и болью — как тело-и-мозго-отцы.

В том, что я был, соучастие было и Лучшего; да Уходящим — мерещится это: Душой называемым! — Вкладо-Сиянья первичной Нетронутостью.

Зрились — подобьем мерцанья Ее.

Ты-День

и до сердец стрижей особо доходящий
был легок ветер — носитель счастья:

(ты сам настолько много всюду был!) —

мерцанием-молитвой за тебя
прощая
День
огромно возносился!—

в стрижах — кричала (как дитя-душа):

насквозь-недосягаемость!—

однако в ней была открытость — здесь
как будто
от луча!—

и слух был — тайно-тих...—

(в тебе — как в крике — чуткий)

1977

Флоксы: безветрие

так остановлен ветер
что ныне будто свет
в котором — ваш покой
и наблюдающие вы — той белизною остановленной
легчайшей в свете дня

(за вами Простота — что не сказать
такая: что — Сама)

сияньем наблюдающие
не-скрыто-не-раскрыто
а как — в толпе святого тихо сердце
и как младенца в доме целомудрие

(та чистота в глазах
что-только-чистота)

1977

И: место рябине

Лес — весь в пятнах крови — храм опустошенный.

(Как без птиц: без душ. Без-словье и без-звучие.)

И — у входа: вся — подобием:

Параскева-Пятница-рябина.

1977

Солнце: березы

В. В.

когда солнца в березовой роще
игра — как дитяти:

ты — спящий душою! —

о забудь: упусти ее больше — самой по себе:

исчезать и проглядывать! —

(то ли солнце вернулось
то ли вдруг проявилась — играючи:

блаженною — жизнь:

оказавшись — прошедшей...) —

а волнение-веселие
этого мира —

словно светлого мирного дома... —

(жизнь была чтоб понять что она — Простота
да Такая: лишь — шепчешь... —

и чтоб стала потом — Благодарность-Безмолвье... —

...о спокойствием равная
Солнцу
береза!..) —

Сосны: прощанье

Пора, чтоб Просто (Солнце — Просто).

И таково — Прощанье (словно Очное — в равно-вещающее Око-Душу: Солнце).

И вы — не только Гул и Величавость. Вы, вместе с Солнцем, были соответствием — Сиянью Простоты за Миром:

Любовь
(не наша) —

это — Нет:

(Сияя):

смерти —

(столь простой, что: нет).

Родина-Лимб

1

Н. Б.

Где тьмы безвинных жертв (давно уж призраков), где сам ты — жертва (лишь пока-живущий), — там: родина (лишь это — родина): любовь и к-жертвам-состраданье и сам-ты-жертва-среди-них. Лишь это: родина. И лишь к *такой* — привязанность. И *ту, такую* — не покинуть.

2

Ты можешь отказаться от пространства. От теней-призраков. И — от живых. И обнаруживаешь ты — *последнюю*, где вновь найдешь ты все тобою отмененное, — та родина — язык.

Быть похороненным — в *той родине*, с надеждой: в *ней* — пребыть: в сиянье остающемся (хотя и Лимб-Язык, и худший в ней ты знал, вводя их сумерки — в Сиянье).

И нет — другой. Быть схороненным — в *ней*. С надеждой. Даже — без надежды.

1977

Ходьба-прощанье

отцвела земляника

отзвучала безлюдно вечерня лесная

и осталось такое смотрящее умное

Солнце

ТАКОЕ ОСТАЛОСЬ

1977

Долго: березы
(К празднику 8 октября)

1

Чистое в долгом покое движение — чудо понятия «падает лист».

2

В этом спокойном: яснее — все так же: душа — как нес-
лышное «Сергие» в мире: родна и присутственна — слов-
но везде отовсюду хранящая:

яснее и без перемены:

3

в том же спокойном: давно уже было:

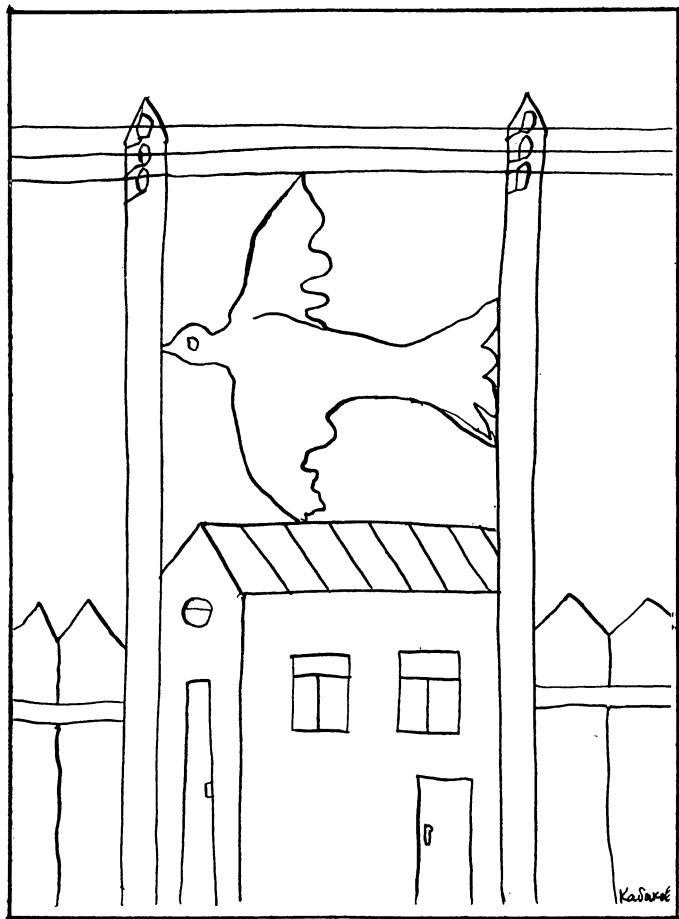
яснее: все так же: душа

1978

**ПРОВИНЦИЯ
ЖИВЫХ**

1978/1980

Kadane

Теперь всегда снега

Н. Б.

как снег Господь что есть
и есть что есть снега
когда душа что есть

снега душа и свет
а все вот лишь о том
что те как смерть что есть
что как они и есть

признать что есть и вот
среди света тьма и есть
когда опять снега
О-Бог-Опять-Снега
как может быть что есть

а на проверку нет
как трупы есть и нет

о есть Муляж-Страна
вопроса нет что есть
когда Народ глагол
который значит нет

а что такое есть
при чем тут это есть
и Лик такой Муляж
что будто только есть
страна что Тьма-и-Лик

Эпоха-труп-такой

а есть одно что есть
когда их сразу нет
— о Бог опять снега!—
их нет как есть одно
лишь Мертвизна-Страна

есть так что есть и нет
и только этим есть
но есть что только есть

есть вихрь как чудом вмиг
нет Мертвости-Страны
о Бог опять снега
душа снега и свет

о Бог опять снега

а будь что есть их нет,
снега мой друг снега
душа и свет и снег

о Бог опять снега

и есть что снег что есть

1978

В ветер

Было и осталось...

Я. С.

1

это вещи его и в вещах так тепло
и тепло — его шаг
и от дома его в этом мире тепло
и тепло от него
хорошо от деревьев его и уютно от трав
словно вместе сияя одним
(а как счастье мелькало мое: дуновенье ведь было такое
среди вещей как в дому)

2

я как будто в муке а ведь так хорошо
в этом холоде странно-уютно
я полою одежды укрыт в этом мире
в ожидании легком
это счастье мое как за вьюшкой здесь
и буран за селом
я не знаю других (о священно-народный
словно мама народ)

3

а теперь ведь пора (я не знаю других)
и буран среди дров как душа

да шаги как тепло а его разве нет
и любое лицо словно ветер чтоб укрыть
и страдания свет навсегда по краям
создавая ту родину в мир
(и все так же — как шорох! и место его
там где нет своего из души)

1978

Прощальное

Фатерланд фатерландом...
...поле, полное трупов,—
между штабелями дров.

Т. Боровский

страну ты эту знал в стране
Изготовительницу трупов

(когда среди них — то мир и человечество
есть то — что ты там где-то
сосчитываешься: все и плюс 1)

— какое дело но: скажу
да: в месяц маков говорю и роз
чтоб — так сказать — смягчить

(Москва — а резкий свет
из всей-земли-оврага)

Москва — а вот хождение
все с повтореньем: «в штабелях»
среди маков

— в крови «к а с т е т» я вплавил
и теперь
я мёртво говорю
и режет — вплавиться — очередное слово
отечественным стать:

горят (я мёртво говорю)
в незрячести моей — среди маков — доски

(скажу: была душа
она — мокра
от их предметности: ответная теперь такая течь
их обливает:
знаю то что знаю
затлея — связью)

ты там — вы есть — все так же в штабелях
(как «роза» это есть в поэзии свистящей:
усвоят засвистя)
на бревнах и под бревнами (среди бревен)
для приведенья в равноправие
для дыма:

какое равенство и цельность как земля
единство плотное — почти что корпус
(когда и тишина как гниль)
страны-и-человечества

среди них — еще 1 — среди них (ты больше
там значишь: в плотность равенства
все равно плавится:
и клоч рубашки — труп
ценнейший — этим)

— теперь тебе мне нечего сказать

и что — о нас? (раз что-то говорю
бродя среди роз
сквозь рези из земли)

что — песенка-республика? когда
страна Молчанием-страной-своею-трупов
.....
(живых провинция давно)

1978

И: последняя камера

В. Шаламову

...мраморея.

Ц. Норвид

а теперь — это в центре
каморка и н д ó м а
с ненужною тумбочкой (в ней не держать же
колымский Ваш том)
а Вами воспетый — уже застывает
в мраморе ст л а н и к — навеки-кровоавом-и-
мерзлом
(в том что уже — м р а м о р е я)
и глухо в камерке
как мысль (шевеленье ползущих по снегу)
что это — п о с л е д н я я к а м е р а

1979

Завершение: флоксы

Питеру Франсу

когда отверженный своей душою скудной
бреду по улице а рядом-Евхаристия
и никнет голова —
так: ваша белизна — молитвой посвященных
и не поднять мне глаз
(чтоб не было: что да: лишь видимость теперь)
и не дожидаться слез (лишь смутное волнение)
как вот такой
(лишь горсточкой)
страны
как в братстве бедно-родовом завещанной
запрятанно-дрожащей
красоты

1979

В сумерках необязательности

словно в Боге живем
головою крестьянской
лишь немного трудясь для себя
знаем: какое-то есть озаренье
будто шаря руками
и вещи
во сне перекладывая
(так проходит уже это многое невероятное
из чуда в какое-то
будто
другое)
а надо вот встать что-то делать еще — и вот кажется:
ЭТИМ

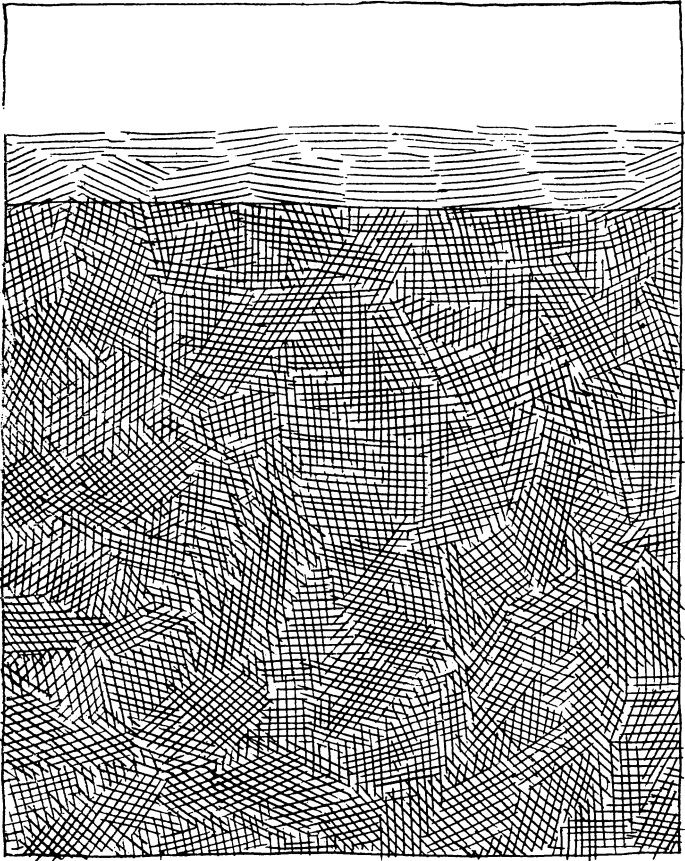
все-то и делается:
будто дрожит
эта в-мельканье-спокойная общность: да вот и такие
бываем — безвластно-светло-и-невидяще-видящие
слабостью-чувством отведывая
живую — как кровь — приближенность
больше чем светом дневным
освещенности нашего «жить-то-ведь-надо»
в некоем тепле со значеньем неявным
(дело ль какое?)
встречаясь

1979

**ПОЛЕ—
РОССИЯ**

1979/1982

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

Поле-Россия

С. Б.

вот и желаю тебе!
(счастье-молитва безмолвно)
в поле умолкнуть душою («о Бог» говорим мы
более-сердцем: долиной
белым-блистающего
вольно
вокруг
Совершенства) о как этот ветер
даже сиянье не тронул дыханья!
огнь
неизменности
веял
заметное
все
исчезало: о будь же
там
уже очень давно
не знающим — кем улыбалось:
«лучшее Чистое — ты»

1980

Поле: а дальше — разрушенный храм

это ведь очень давно
и другого
нет — слава Богу!—

и словно
к а к о е-т о счастье
(этого
может быть
места)
болью (особенно «чистой») болеть начинает:

о в благодарном
(«до слез»)
состоянье!—

и в тишине (словно духом блуждаешь
не понимая — и мирен
с непониманьем) — о в этом!—

в таком вот сиянье:

березы
поблескивают
(самое
будто
в этом-то и происходит Значительное) —

веет же — скажешь-не-можешь — о веет же
веящий всюду!—

(и в зыби
тем более
поверхности круга-холма словно чуда) —

и тени
спокойною
«чьей-то» молвою
свою полноту
(как душа)
сохраняющей
(и-дарственно-и-невторгаемо) —

поле оттенивают

1980

И: поле живых

поле — как «что-то» как Облик?
а если вот просто — для нас?
словно «мы нет» — только зреньем иль делом блуждая
вроде мы — как продвиженья:
странны — как сон: в озареньи!
спим просыпаемся (словно мелькаем):
ни для какого мы утра!
огненный свет без значения пуст
(только остаточный отсвет без связи — как будто средь
нас — не касаясь: Мерцание! — духа Отцов)
«встречи» «схожденья» — бесцельностью ярко-пустою
будто бродящего (в свете дневном —
как в бескрайней незрячести)
сна — как из комьев-полей так из комьев-раздумий
остро — мертво — восходящего! — нет пробужденья
в Сне-оказалось-Стране!
в старчески-детском (повернутом вспять)
б е с с л о в е с и и

Поле-Россия: прощанье

Скоро и это узналось.

Д. Р.

а *родину* любить — *Меня* не видеть
заговорилось вдруг
и ожил более *страны*
сырой — в провалах: плач душевный —

в груди туманясь рос: как некогда — пространство
где Троицы клубились *доказательства* —

(как этих
восхожденье
звезд
ты выдержал: как рос ты — Сном!) —

заговорилось в ночь (и слова нет — без Слова):

сиротства — лишь: туман — как горсть!—

быть светом-оком сонмом-петь-дубравой
и плакать солнцем (ибо — без души) —

а полем — быть — кто есть иль нет — свободным

1980

ЦИКЛ ВТОРОЙ

Дорога из лесу

М. Б.

я дома на земле
мне ничего не надо
а малости хотел бы:
страдания живого!—

(вдруг понимаю: лишь народ огромный
взрывает-дарит — одному-другому
страданья жар: пылай же им отдельно
а боль как дар — семьи:

и этим мы — сосед еда и брат!—

а свежесть
та
народом называясь —

как кровь твоя
рука
и грудь
не оставляет и живет-живит:

искрится-отдается взрыв-и-спаянность
и малый — мукою велик!
взорвешь окрасишь
праздник-пенье!—

ведь даже обижали
как будто хлеб давали —

ведь даже отнимали
рыданья
будто
лад
и в криках
сохраняя!—

так — души разрывали
так — в мертвость не пускали) —

— не будет брат: здесь празднества другие
и дьявола прикончат этой скукой
чтоб воплотиться (Господи)
в убийц — и самого
должно быть — сатаны!—

так думал я (как Норвид говорил
в конце: как помню:
«*Vade-tecum*»)
так думал я — из леса выбираясь
все больше легкий
(легче счастья трав)—

вдруг вижу: золото горит
сквозь юную дубраву
пшеницы-поля — с храмом:

(потом
пробелу
место):

и нет чего для ничего!
не знаю горя своего
а ветер — и тот ведь нужен!
и в жаре золота мой брат
соседа нет дитяи нет
и так горит себе-«прощай»
что даже мысли нет

1981

Ивы (памяти музыки)

В. С.

в долгом тумане-видении
светлой неслышимости
болью так ясен и так отдален
долг мой святой — драгоценность
памяти: петься — самой красотой:
«Шуберт» как «мама»!
(«Боже» не скажешь — о Боже с душою
что-то случилось: рыдания
ровного нет! и давно дремотою
в столь-не-моей-красоте
чистые стоны-вершины теряя
тускло туманюсь)

1981

где же — все страсти-молчанья твои? — а возможно
известный не-солнечный свет — белизна что суг-
робов российских белее
все еще тлеет обугливаясь
от никому в этом поле не нужных
шепотов давних твоих?..— мы такую красою
не открывались!— удивления были—
лишь пламени-гибели
безмолвие — кругом-как-полем
горящего страха!..— и мертвость
созрела — огня!..— и замкнулась в единстве забвенья
огромность:
без проявления-ветра — пустое
Поле — полей

1981

Замедленный август

день проходил
словно мелкими листьями
сором Земли дорогим
в мире дождя (или в небе дождя)
смутно мы были роились
не загораясь и не засветя — в океане
божьем — как в остане белом-бескрайнем...—

и надо сказать:

это спокойно и трудно
жить-поживать и глаза не поднять
чтоб засветиться — и неким сырьем
в боге (позволю себе это слабое знание)
мокнуть — бывая его притяжением
собственным — книзу

1981

Мама в малиннике

а собирала
малину! чтоб помнил (и плакал) тебя
и чтоб через день через четверть какого-то века
свежесть как ангел (все тот же: движения
не было вовсе)
все прибывала! давно голоса за рекою
будто играют о друге!

теперь возвращаемый силами-вѣтрами мира
в скорби я — тенью: к тому же
легок туман: неужели свечения
знаю девичьего друг? (я тебя беспокою
словно твой свет для рожденья!)
дух — чтобы: плач!— это солнце поляны!

туман — продолженье

рябью леса утончая!
зная — прозренья не знаем:
ясен ли бог — а не лучше ли вместе
не разобраться? и только
быть — словно плакать сияньем-друзьями
и самодвижением
ягод давно предзакатным
падать — алея?

1981

Поле-завершение (Страна без людей)

В природе — п о к и н у т о й (а «что-то» вот шепчется — «веяньем» дальним: пока Неоставленной) — мы-я-или-вроде («других» уже нет): о т к а з а в ш и е с я — мы.

Самоотказ-и-Побольше (ушли — в небеса-без-ума — и сияние высохло! — празднества стали: в корнях-как-в-крестах! — да и было — как в небе: в Стране-Высыхание — от света как ветра! — не помним «секунд»).

И — марево призрака — лже-высота! — «тут-и-там» это все еще есть: это *где-то* мельканье (без семен-центра — без места — вращать) и качанье — взброс! — п о б е ж д е н н ы м и быть осиянных-как-свистом.

А «небо»-из-вещи? — со дном пустоты: как отсутствие — словоподобия.

Есть — только кровь (как движенье лже-братий).

Вышли из возраста — отклика-духа-как-будто-для-«вечности» (скажем такое) — выпали — впали: в безвозрастность мира! — в младенцев не вырастут: став — тем же самым — отцами.

И: нет (доползает механически-липко) — Народа. Умирающий добавит (не для пониманий): «который Отцом». (Скоро не будет и меньшего слова — как корня-виденья: для сонмов.)

Поле — без слова как «ты» соответственного — поле (как Книга) — с людьми: без людей (Осиянного-Ока — названья-как-Друга — и Солнца Второго! — собою не ширить!.. — уже — как росы — не запомним).

А — г о в о р я щ и й?

(Да. Это тоже — оттуда: *ничего не случилось*, — и одно только значит: *исчезнуть*.)

1981

И: Шуберт

боль
о тебе
появлялась: местами просвета
в юной дубраве! как ясно душою твою
та синева прозвучать бы могла!
«музыка» мне говорили
я слышал — когда не звучала:
моей тишиною была!
позже узнал я — за нею
светлеет тоскою такая:
словно — в ответ — проясняется
мукой: Господь наш!— и нами
в грусти просимый — для нас
в боли Своей затихает

1981

Идущий к стаду А. —
через поле

а за спиной
вдалеке
полнота
теней — с разрывами — все еще свежими:

— с ярко-сырой белизною! —

слева — не дождь а опущенность редкая
в виде дождя кое-где облаков —

(и озеро взгляда по миру
то: уже не расплескать
и оказалось: довыдержано:
понято: это и нужно и верно
когда — никому) —

— пересечение поля? бывает — сквозь жизнь:
прохождение жизни!—

(а то и другое:
жаль
какого-то мальчика будто тростинку:
пелось ли в мире?
не вспомнить —

да: оказалось: отсутствие пения-как-острия
было и нужно
и как-то случилось:
эта потеря созрела: и шепот
некою вещью-как-частью-одежды

в ветер унесло:
оказалось
и это достигнуто:
будто просили:
и верно) —

в озере взгляда одно лишь движенье
(хотя и не помнится)
это быть может
(ведь всякое может)
какою-то синью далекою
ветер — сестрою!.. —

справа — событие стойкое: стог

1981

Еще одна песенка для себя

сплю это где-то
давно без страны это место где я
а утешение — где-то под снегом дрова
вьюга с тех пор
и не нужен и я
дружба теперь — рукавами во льду
тает об дерево кровь-моя-сон:
как запеваётся! тенью свою качаясь
болью как в воздухе
в тоске по столбам-в-этом-мире-иль-ганнушкиным
песню ненужной качаясь
в поле во вьюге средь хлопьев-существ
лбом рассеченным
в мир распеваясь!— для Господа
перебирая
под снегом
дрова

1982

Прощание с храмом

что еще помню?—

теперь — только окна все больше пустые
(все более — ветер не ветер
просвет не просвет):

словно они — у с т а н а в л и в а т е л и
т о г о ч т о н е б ы т ь у ж е с в я з и
с брошенным этим простором!—

и предупреждением входит Молчанье:

соборно-единое — в поле-страну (и все более цельное —
опустошенностью):

:

будто — е д и н с т в е н н ы й Храм

1982

Сон-в-Знамени

пора
Метания
Стогов!— а ты?
как будто ширюсь тем же я-заглядывался:
все так же на стогу
работа рук мученья платья белого:
виденье-ты — как знамя!
горю-и-вижусь и тобой и сам
и чистотой рывков о всю-тебя-расширенность
тревожит тот же ветер золотой
все больше давний юно-обжигавший!
и в нем — любви движения нетронутые
меняются блистают
рея — вдаль

1982

А тот орешник давний

Ф. Л.

а холод
ясность холода?
чтоб было место — в тишине
еще яснее: «а душа?» — прохладой!
а — на ветру: дитя!
все то же: руки в сырости
к родной щеке как будто:
а вот — лишь доставанья в дрожи нищенской
безветрия — как абсолюта-льда!
лишь с отблесками холода
обратно к думаньям своим (как будто опустело
от смысла что-то) и к одежде собезмолвствующей
как паданьем бесцельно возвращаясь
останками движенья:
о том — случилось же: кому
повем? — когда давно
места *любые* — мне
лишь — будто из отсутствий!
(и в таковом:
без связи:
из «чувства»-льда людского
еще о мама-ощупь)

1982

Одинокий подсолнух

В. Сокол

о трепетанье бережности!
(мне лучше
глаз не подымать) —

себя «дитя-я» окружая
избытком скромным радости
себе игрою — быть — собой:

— о ты стихотворенье-мой!
(мне ласковее
не сказать) —

(а здесь:
я говорю: а здесь:
сеченья: видно:
тайна:
золотого:

и здесь мне даже не шептать) —

о будь:
чем есть:
как завершенье!
(но скромность:
как слезы струенье!):

— позволь:

ссылаясь:

что — в-самом:

пробыть — и словом не назвать:

тобою-кругом — видеть в Духе:

о совершенство!— совершать

1982

Сны — с давними лицами

а и снегами
цвели да и розами
долгое лето выискивали
встречи во мне островами и белого
и родниками
боже такого!— как будто истоки их в мире
знает душа — и отведывает
в некоем причастье запретном! как будто во образе давнем
себя не удерживая! вся: возвращаясь: во знаках
будто от жертв!..— от снегов и от роз
слишком безгрешных (и даже любовью
не причаститься: как будто оставшись
при пении храма
без пенья!)—

...«жизнь» называли всю жизнь называли! а после —
другие шептали...—

а я
по снегам-как-идеям-снегам
вижу — иначе бредущих: сияньем
(хотя бы из болей
в остатках!):

что же!— конвойно-как-знаками-муки:

(уже
без укрытия
бедами):

розы! — в-крови-по-снегам-и-в-удушье-вы-розы

1982

Три записи к Эпилогу

1

а слезы
уже не питают «тела»-называемое
чистым меняя
а также и лицами
давно задержались: уже становления
нет — освещением! и если мы призраки
то — уже слабым множеньем
лже-принадлежности свету-лишь-пусто-дневному
в Стране Без-Народья!— а малость
есть ли — *к чему-нибудь* — скорби?— хотя бы
каплю этой!..— а ею
даже и места уже не отметишь
где озаряется только Отсутствие!— этим единственное
«чїста вся чистым»

2

«А слезы — они изменяют самой наружный вид лица человеческого».

3

а каждый
обособленно-каждый — посредине огня!
так много огня: пустоты-без-всего
(вынут и виденья смысл
и основа

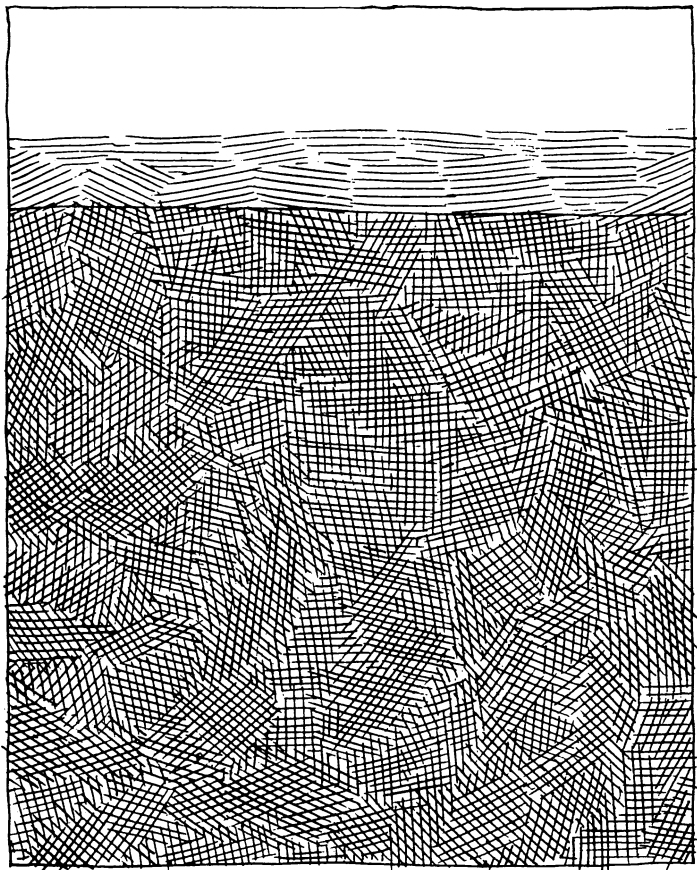
в круглости неба лицо узнавать что не менее близко
участьем
рядом-соседа-лица)
каждый (а лучше — никто) — посредине пустого
и мертвого
огня для него (и хватает огня) —
не видя
лица никого
(даже лика-былинки)
и древа-(о-шепот!)-лица

1982

**ЗИМА —
ОКРАИНА**

1981/1982

Что кроме вьюг

1

хорошо Пустота я с тобою живу
благодарен за слух
мне тобой от беды отзвучать
и под вьюгу достигнем такой чистоты
что прекрасно забудем кто мы

2

а о том мне теперь не сказать
почему для чего и кому
хорошо Пустота только кровь по виску
словно это для неба тетрадь
но теперь уже мною сотрешь

3

хорошо что и с вьюгой как мы
что любовью как дерево был
и согласна душа что без смысла пора
.....
да вот горе с собой говорить

4

а о том заверши мне сказать
и все более чтобы одни
грусть тиха как для ветки беда
а ведь знаю что скоро Одна
да немного еще разреши

Первая радуга года

слабо-туманное:
празелень? золото?
долго ли было — страдающе-ясного
(белого ль — жертва? рождение ли — синего?)
неторопливое ветроподобие:
словно дыханье — единство с сиреневым?
(в э т о м з а с н у л
не добравшись до алого)

1982

Рожь: т а м: рожь

будто прошла!— не собрать из тумана!..—

и в этом
подобно «я тут»
глянуть в меня доверяющая:

стала — душа!—

странные
эти
(ночами)
провалы-паденья:

словно
то ветер
то тишь:

или
часы
то идут
то стоят!..—

:

...сердце стареет!..— мерцание света далекого
в памяти
так возникает —

м е с т а быть может последнего:

(сырость какая-то:
тлен иль не тлен
или: тень иль не тень) —

места — скользящего
странным дыханием:

в поле́ — за и в ой — за кладбищем
т а м — по широкой низине:

в дрожи-зернистости
ржи — будто сестринской!.. — влажностью скрытого горя
вдаль беспокоящей — не отпуская:

некой — без кожи — девичеством

1982

В гости в детстве

Л. П.

это «ах» по стене!
это круг
(я проснулся:
душа — как лицо) —

долготою готовилось
(были как обмороком
где-то поля — как моим) —

помнилось: свежестью
«ах» — заполнялось в видение
древа-ограды:

дном — пребывая как мною!—

(мир
назывался
«долго»
и радость
«незавершаема») —

«ах» — словно мама-ребенок: везде!—

чтобы спросонья
со счастья
меня же ввести сквозь сиянье голов
в общность сверканья и слов-как-Существ
будучи мной-белизною:

(веянья платьев — самих еще трав
плеч — как творений
умом-как-руками
дум — как костей драгоценных!) —

петься просветами будут ряды моего пребывания такого
среди золотисто-бессмертных скреплений основы
пенья все-родинно-братского:

«небо» шепнув — вы найдете меня! —

(о завершенья! — давно затихаю я болью
среди прохожденья
ветров и цветений! однако
непреходящести тонкость
мною — и больше чем я) —

а пока начинается
«ах»-продолженье — из доньев:

(головы-пенья о головы-сверки родные!) —

(стены — как донья другие
для ветра и света пропитываются) —

свет продвигать мой — среди светов-других

Песенка для друзей

друзи в несчастьях как будто сквозь стекла
в заброшенном поле
в ветре мокры
будто глаза сквозь текущие слабые
в доме чернила (и руки «о дочки»
в дрожи
и рядом
с стеной
обнимать)
друзи текучее слабое что-то бедою
чтобы в провалах возникнуть чернильных
и близко глазами окольно-невзрослыми
слабо и живо смотреть
в жалком тепле (и такие-то лучше размывы
мокрые будто во городе
чтоб прикоснуться
и сыро побыть)
чтобы как цену что жили
припомнить как тающий мокро обрывок
и съжившись друзи в сиротстве-обочине
чуть — из дрожащей щеки — понимать

1982

Утро-Окраина

следы
(словно только что
сущность Огромного
была
и покинула) —

синиц (на перилах балкона) в снегу:

что мне искать? —

это (слабое?) Ты? —

ранками
(«есть Я
как только отсутствую»)? —

опустошив
оставаясь
свежо

1982

**ВРЕМЯ
ОБРАТОВ**

1982 / 1984

Ты-и-лес

я ведь прятал тебя зарывал
в освещенье лесное
словно вил я гнездо из тебя
(я не знал что и пальцы и птицы играли
тогда зарождаясь
для музыки мне незнакомой:
биться воздушными слитками дрожи опасливо-гибкими
так — чтобы трогать: как будто не трогать)
я отплакал забыл как клубился тот лес очагом из любви!
без меня продолжается видно незнанье
легковерным
я стал
к пустоте
потому-то и век для меня уже новый!
«ничего мне не надо» и вдруг озаряешь
из древности юной отцов
и внезапно — стареющий — я разбиваюсь
дождем золотым: о виденье чужое! — быть может твое
целомудрие
быть — без него:
продолжаясь все той же: в гореньи народов-отцов —
в отдаленном уже тайнике недоступном:
в стойком пылании этом — в снегах бесконечных
во влаге труда — как в дождях — Всенарод-закалять-
продолжающем:
ты осталась не ведать — каким это кругом обратным
горят — представленья-прозренья мои: в отдаленьях
таких где давно отгорели
даже подобия их!.. — и тебя

будто в юности мозг мой: сияющий образ средь белого
дня:

бьет и коверкает
из цельности тех же глубин
чистый — как руки твои — как идея о них в этом мире:
свет — словно шепот!.. — а просто — быть может
теперь это все — только мной шевелящееся
название — народа

1982

С пением: к завершению

А. Назаренко

колыханьем лесного подола
ушла вереница — с улыбками были — исчезла
с собой уводя и напев
шагами ушла колыханием дела руками
дрожание края лесного
мне оставляя уже ненадолго:

— нет не взорвется ничто я спокойствием буду задушен:

боже какой это Бог мой спокойный
так на виду затихать!—

просто такими простыми
из света из глины покровами кровь укрывая:

в лес заблестеть — доискриться как в мареве
в том что одной светокостью осталось
слабо маячить мне лицами:

землю рожавшими!— небу:

(здесь мне забыть и о бедных вещах мне беднее молчать:
эта сила как вещи ненужные даже слаба умирать: это
ветер шуршит в разрушеньях давно — даже крови не
нужно: пролиться как знак! — и такой уж пустырь —
равнодушное око! — и будет землю все более — дню):

и значит пора отосниться
больше чем Богу покоя:

призраку света пора отосниться
свету отсутствия лбов — огневыми раскатами
нас открывавших:

что ж? допоем: ничего не предвидится
значит еще как воде отосниться
«о вереница» ходьбе-веренице:

— Боже прими за живое хотя бы такое:

о отосниться (и лес закрывается):

слабостью тихой слезе-веренице!—

вам — недопевшим

1983

О девочке и о другом

вечер

а розы

несчастья людей не огромны на то и название слишком
уж тусклое

«мама ушла» говорит будто просит

пить — «а куда?» — повторяет «ушла» (есть игрушки
и есть вот такое понятие простое)

эта внезапная девочка (просто — вернуться-то некому) —
и наступает

(будто все годы проходят и годы)

безветренный вечер — о розы

здесь и обиды такие как будто их даже и нет — но при этом
розы хотя ничего мы собой это самое не представляем
кто-то все время подходит к окну и играет на скрипке
будто мы стоим

чтобы изъятием заняты были

здесь средь оврагов — и розы хотел бы я малого
но ничего уже малого нет

чтобы остаться мне с чем-то простым — и на скрипке
странно-открыто играя все время подходит
чтоб отступить от окна

будто без тени: и будто обиды поболее знает
чтоб одолжить без ущерба!..... — и не забывая
вечер безветренный

как пониманье простое ребенка
без смысло-подробностей: прост

этот обратный давно до-Кого-То (когда уже трупом
над всем отблистало
название!— блистает
бесследность — за тем отблистаньем)
о этот
обратный
не менее
Дождь

3

о тишина
я бесстыднее не был
с тобой тишина
а вот так же со мной
ты тишина как дыхание
света-бессмертно-высокого
духа-Золы (вот такой красотою
истинной
ныне
ты есть
тишина)

4

ветр
мы закончили а из оврага
стыдно да вот же цветку же подобно
ветр будто лепет младенца-Бачиньского (вот вам цве-
точек -такой -иероглиф -могучего -сверх -совершенства -
дрожанье — теперь-то дошло как раненье ребенка
бесстыдное тонкостью)

ветр

над оврагом

закончили

даже клейма совершенства сияющих травам да птицам
зубов-совершенств-Человечества-Бога-давно-Словоедов

даже и знака

какого-то

ветру

самой Пустотою

не всаживать не вzasверкать

(отблистанье

покрыло: и имени нет

чего-иль-кого-Что-теперь-и-назвать-уже-пусто-и-позд-

но! — того: в отстраненье закрытом! —

лишь кости сияют скорей чем свет глаз над лицом!)

и бесточечно-и-раздробляюще-нечтвое

словоподобие

бесстыдства последнею тонкостью

рвя-Что-то-рвя! — и все тоньше и тоньше! —

закончили — ветр над оврагом

закончили

ветр

над оврагом

1984

Холм-навсегда

Л. Пугякову

холм
горящий и плавающий мысли вокруг
как в тебя заносило
то далекое бедно-свободное детство
друга в рваной одежде:

как этот огонь всеохватно входил
в перерывы в мельканьях:

(мелькало — дитя) —

а из этих просветов я перво-подростковую
нежность слагал — обнимая движения братские
возможно из бездн содрогаясь
бликом-народом в огне все-народа:

(не меньше был — друг) —

и в пламени-давнем-холме обожаемом
эти провалы-молчанья (подобно полянам воздушным)
казались соборно-синеющими
из остатков младенческой ясности
мне ключицы ломавшей
горя —

— и с тех пор было долгое время столь долгое будто
отсутствие мысли и мира — давно завершившимся кругом!—

и не холм а пустоты горят
на удары горя-отвечая
той земли что зияет (хотя бы «у нас» а мы все уже мы)
отзвучанием став и в понятах-местах!—
только ветроподобие:

полые гулы
идею домо-исчерпанности
без — направлений!—

а бессилия (ибо мы силами знали ушедших и слабых
рождателей-скрепщиков неба любви из комков тру-
довых — простотою труда — и из комьев душевных):

призраки мощи безлично-безликой:

смотрятся
грохотом в грохот
провалом в провал:

в небе одном
из без-смыслов — едином! —

...даже не скажешь в каком это всё пребывает
круженье...—

(а друг?
настоящее имя
друга любого — Потеря:

и мне — «все равно»...— мне давно лишь обрывок
из песенки старой:

было — «мелькало дитя»...—

но знаю я: холм-навсегда)

1984

Листопад и молчание

1

Чтобы
собой я молился,
Ты
не наполняешься мне — молитвой,
и явным отсутствием
крепким
я окружен, как кругом.

2

А ею
ребенком — молиться
я не могу. Она
сама по себе — молитва. Ты, этим кругом тихим,
Сам
полнотою
в Себе.

3

Что я
в Молчаньи — как в Свете ровном?
Или в огне. А живущее — мерзлое равенство деревьев
больных. И при этом — Ты,
ясность, — о, непроглядная ясность. В сравнении с нею
смерть — обещание... — что-то другое!.. И кругом мертвым
невыносимо
падает с дерева — лист.

1984

Рядом с лесом

а
наконец приближаюсь там нет никого никогда не бывало
лишь серебро
давнего чувства — свободным теплом надо лбом
и плечами

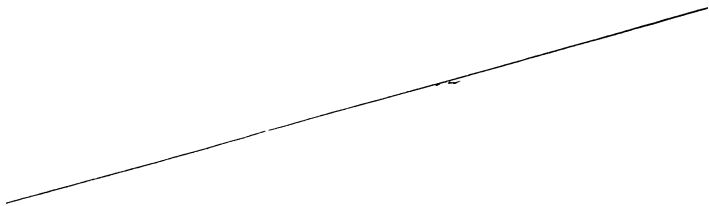
о
это легкое
поле — сиянием в небо

это
душа одиночества будто мерцанье застенчивости
держит вокруг
и забелела свободная рядом
а чистота сотворяется — просто: самой чистотою
поле
открыто
(все так же
как поле для неба)
ею лучится — себе

что
о другом? ведь насквозь проходило сиянье
чтобы — любить
будто ангела некого — всюду — мою беспрепятственность
тем и творя
целомудрия место:
— сколько бы ни было ветров чуть темных уходов
и жизнью
это спокойнее бога покоя!

там
в тишине
голубо

1984

**ХОЛМЫ —
ДВОЙНИКИ**

1984/1985

Река-Жемайтя

река
поведеньем — само-открыванием
то исчезающим
то долго смотрящимся
в мире доли-ин была-пребывала — очертания в мир
добавляя
словно та женщина давняя (в виденье дальнем
теперь даже очень уж давняя
много и ровно темнея)
о э-эта — волны-немного-река: эта женщина знавшая —
тихо и ясно — что кто-то подглядывает
и глядя — впере-од — замедленно-чисто
пролистывавшая
изредка губами притрагиваясь (так ли вам много когда
вам желе-езом — можно в любое
время для вас подходящее)
река-а-о-женщина — о открывавшая
будто во воздухе шелк из поля-ан
странички рукописного молитвенника (о — стоило бы
не беспокоить) — такая
река... — а... — ибо (а это еще уже больше
чем мне) —

— простите мне слабому —

только уж отблесками малыми плакать
о — в складках
(невозможно мне выразить)
в складках

Давно — ночь:
светящийся дом — в лесу

Ю. М.

стучали
в бревна (изнутри)
умолкли
вели (как будто плыл во свете независимо)
сказали бы что продвигали
незримым чем-то — долго — смутно
(а оказалось: ясно — четко — твердо)
и снег мерещился
оторвалась
(вдруг — дозвучала) слабая тоска
и свет ее — как будто видел
среди холмов (еще стонали кони
но стон — продолжился
понятым — слишком:
как будто — так — спросил)
.....
.....
(в бумагах было: «странно: был не нужен
но был любим — как любят
единственного
и в этом все
и значит что молил — Такого
а все ж — ненужным»)
.....
.....
давно был воздух от всего свободен
а время — вольным (словно обнаружило

самоосвобождение)
из твердо-существующего было
во всем что есть — одно:

на бревнах — дрожь восхода

1984

Белые цветы
на самом краю
родины

Памяти Балиса Сруоги

уходили
потом и исчезли — — — — — все да-альше
— — — — — и здесь
тоже некому было увидеть
что что-то случилось: уже не вернуться
и только давно
бледно-застывшая с тех самых по-о-ор-женщина
(это
все время
под утро)
подумает: руки к окну — а будут
на ангельски-мертвом стекле
лишь знаки от пальцев истекающе-яркие — — — — —
(та же прохлада
про-хлада)
а вот
все равно
уходят все дальше: хотя без теней — пригорки
разворачиваются — — — — — долинам показывая
что-о-их
давно уже нет

1984

Поляна-Прощание

Т. Венцлове

пение (их же — внезапное)
их вызывало — и они выростали — с объятьями
там — на поляне раскачиваясь
(пенье раскачивалось):
в отцы — из отцов — выростали (и свет
отцов — раскачивался):
пели — страну находя-колыхая (тем самым теряя
ибо
теперь
уже находенье любое — потеря
все более — обще-Земная)
и возвращение это горело-раскачивалось:
в руках — на плечах друг у друга — пылало
прощанье!— уже находенье
то — окончательное
(ибо — последнее)

1984

Жемайтия: заходящее Солнце

Памяти Антанаса Самуолиса

а над
Землей —

Оно само — Земле подобно было:

(как будто все-иль-вся — в поту кровавом) —

в туманность
пота черного Ее
(все более — как неким Двойником) —

а также — будто в человеко-мозг
(огромностью Ее алеющий) —

в холмы — в холмы:

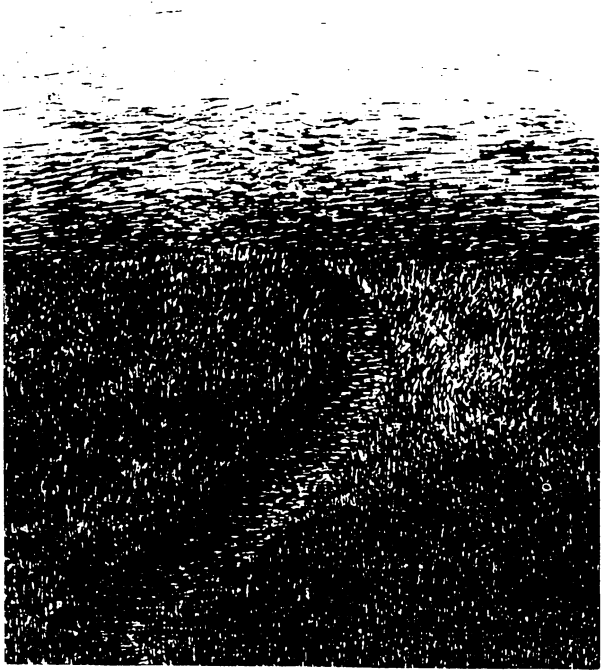
все тяжелее Врезывалось

1985

**ПРИБРАТЬСЯ
ДО
ПОЛЯНЫ**

1986/1988

Горя́ — во времени жатвы

Л. Р.

и углубляюсь я — в жатву: о этот
огонь — закалявший
терпенье отцов — как безвинность земли!—
и блистала страна Простотою
будто — звенела: в ее небеса восходили
смыслоназвания
Бедных Вещей — и прозрачность их доброприсутствия
сердце ковала того кто умом отдаляясь в пределы другие
ведал — о невозвращении
в этот очаг — отзвенело давно
в безымянности обще-пространства
то завершение круга — отсутствием свето-основы:
сиянья отцов запевавших плечами
как лицами неба и почвы!— и ныне
только молчание Слова
безликостью мира блистает — а было же
просто: ведь даже подобье шептанья несмелого
было — как личико-небо — повсюду глубокое
родное — без края

1984

Лес — после поля

даль — просветляет тебя: не показывая
(словно
без признака времени
схожее
что-то
проходит)
тени в полях — как страданья простора!—

я забываюсь: отсутствие видимости
все больше становится
отсутствием слышимости: музыкой — самой свободной!
нет — это знавшей души!—

(и так много
проходит
все кончилось
а продолжается) —

не видеть не знать не достигнуть!
и только тогда проясняется
то — что немного
уже от тебя:

вздрог — дуновенье!—

словно в поклоне невидимом
женственен — светел — высок

Другая дорога в поле

умеешь ли —

взглянуть на дорогое
лицо покойного и вдруг забыть?—

мгновение такое было — и:

свобода:

— давно ты будто небо так давно:

о это
очищения
о поле:

спокойного и ровного!—

и воздух — детскостью-Одно-сияет:

— что нет себя — то счастье: мира ветер!—

отброшен легкостью — давно ненужно-легок:

забыл...— и небом и землю всею:

сиять — включая:

слабейшую на воле — зыбь

1985

Леса — вспять

в тумане
сияния родины
островами остались жемчугами остались
леса до которых
я никогда не добрался —
— детское что-то я помню: то ль плечики в них высту-
пали — белели наклонно к полям
то ли жалобой
вдруг — расслаблялось движенье: скорее в печали
чем зримое — там на опушке
недостижимой —

(были такие — я видел столь близко
а скоро
был только лишь ветер —

легко я — как в ветре — учился
легко понимать что уже не вернуться) —

в свете долин-перекрестков
казалось — что дети средь трав просыпались
и пенье искало слова — где-то рядом
будто
оттуда казалось —

в тумане сияния мира
жемчугами остались островами остались:

больнее чем в жизни — сиять

1985

Сон-распад

а спящая она не просыпаясь
стреляет — головами и руками
своих обрывков — в виде сыновей:

о сон — распад — раскалыванье:

на числа мертвых...—

и ей — огромной — с лоном дремлющим
есть время долгое — не просыпаться:

— я в нем сотрусь — другой возникнет: длить!—

а шевеленья музыка огромна:

а зреет вдаль и вширь а подготавливается
ее пустою мощью
сверхсильное в дурмане место:

(из я-обломков — тишина) —

где будет — нечему очнуться

1985

Выходя из оврага

Иштвану Саболчу

а слева — нищенская — своя же рука — как младенческое
евангелие: о блистание — ни для кого:

малости — окольно-живого!—

и бродячим — безразличным евангелием берет — овекает —
ласкаясь по-детски — лаская:

сердечнейший ветер сердечнейший:

величием Счастья безлюдности!—

о милосердие...

1985

И: место — давнего знака

а то что однажды
мелькнуло — как будто виденьем:

— при свете закатном
кланяющейся головы красота —

(добром ли творилась творила ль добро) —

остается — сиять:

там — где когда-то народ
был — полем а место:

головы-излучения:

— серединою миропространства!—

(прозрачного душами — будто единым:

ветром — особым) —

о — продолжаясь:

(давно уже нет никому даже веянья дара —
и видеть и помнить) —

в мире (да хоть отмененном) средь Поля-России:

кланяющейся головы красота

1985

Вдруг — от флоксов

Г. К.

а как прозрачной осенью
довеивают флоксы до дыханья
ты так — внезапно — вспоминаешься:

— и говорю ума я говорю
не приложить какая же причина
а разве чистое во мне не может произвольно
тоскою веять говорю —

а все прошло поля такие я оставил
еще такие тропы я без взгляда
не раз и это не слова а помню
обрывок в поле как ладонь
я повторяю сельско-полевую
родную — будто я скользнул
судьбой как взглядом —

— потом была дорога не вернуться —

оставить думал я могу
тебя в сознании чем-то вроде этого
я силу не учел
простой же чистоты!—

— что глубже сна раздумий —

я вспоминал
да чтобы перестать
и чтоб забыть казалось —

— а свет той детскости — теперь!—

«я стар» звучит людское поле в мире
и вижу розовой как гор
скольженья я такую вижу
разъединность струи «я слаб как преступлень»
среди старений мира —

а там столь многое громоздкость думал я
не знал что светлыми
увидеть грянет
струя когда я слабостью
во силе буду выбран —

— как будто знал до снов в подобьи родниковом —

сказали бы что слухом не учен
как тот что лишь ладонью
проводит представлень «свет» и «детскость»
других не зная взмахов
сказали бы — махнув
не пролистав две-три свободой светящихся
из жизни — спрятавшейся руслом:

—«а белизна»— все тем же повтореньем!—

в распад земли сентябрьской
вдруг перекинулась
и что средь родников осенних звезд
мне можно говорю мне думаньем
моим тяжелая луна
сырая
учит

быть в цельности разъединений
гореньем швов
о терпеливого же мира!—

— а сила — вдруг:

(дитя — лицо — давно
лицо — бывает же — открытою
душою — было — да
возможно центром
я забыл) —

как рассекает ангельской тропею
меня — до юного! и в древнем поле мира
я думаю что да — всегда обманно-вóзрастном —

горит идеей некою — слеза

1986

Деревня

Если это сон, то он, должно быть,
объял целый мир.

Иво Андрич

во тьме снегов ты будто много раны!—

и в поезде я бездна — черен
и один
а ты деревня ты — горя в уме — изъязны
там — у себя — багровые:
в затылок — льды
далеких частоколов: ты мельканьем
горя — я в тамбуре — а ты в снегу —

и спотыкания мои
в уме туманном — из провисших льдин —

как будто руки-костыли
с похожими — одежды
кусками: утешенье — лед:

— «нет ничего» теперь мое —
давно страны бескрайность!—

(однажды был
мною проще похоронен
всего простого
дитя болящее с названием народ) —

для мелочей поля и лунная
дыра — как волга неба — течь
для будто в небе мелочей:

— чтоб завершиться прочестью ума!—

виденье — поле и ничтожна
давно мне никакая тьма

1986

Снег в полдень

Дочери — в день ее трехлетия

«вижу люблю» — и он светел как светел
а «помню люблю я когда за окном он невидим»
тогда — он волнующе-тускл! — от все более общего
светобогатства! — и радость людская
там где-то трепещет
вся — обновленная
тихим участием: движений-волнений твоих дополненьем —
из жизни доверчиво-ясной

1986

Ужин: дом за городом

М. Геллеру

1

даже сахар шуршит: «а ты помнишь а помнишь как пришли
забирать — как зарею пришли» — хоть беда-то теперь
уж другая — да и дума теперь не о том

2

кто-то «я» говорил кто-то «хлеб» прошептал: «это сон-и-се-
мья» — грохотало мельканием в пении дальнем: я склонялся-
твердел — будто жарким столпом где-то рос среди других в
старом празднике-поле: чтоб из гула идущих отбросить
себя... —

— а потом обозначилась линия — кровью! —

и тогда я увидел — из скрытого гула другого: народо-
терпенья — из глубы забытой в мозгу запывавшего — а мо-
жет быть в памяти тела-как-почвы: чтоб втайне забыть —
я увидел детей (и с зарею смешалось «я-сон-и-семья»:
будто пение — светом! — височную раной — как ртом)

3

«как пошли вы потом» — продолжает шуршать эта тихая
вещь — «как вы шли через рощу потом»

1988

К разговору на расстоянии

Николе Вуйчичу

1

и говорит не тот кто Словом не бывал
а тот хождения которого
как пребывание идеи-хлеба в мире
она проста такую Простотой
что больше говорим — кружа вокруг молчаньем
и иссякая дополняема
от веянья людских небес среди судеб
и дар-как-хлеб — трудящееся Слово
в вас золотится входит
(горя — единство безотчетно)

2

и веруя пребуду я как хлеб
как пища — вся даруемо-раскрытая
для неба этого с его умом
столь мощным что меняется лишь силами
без сдвига оставаясь неизменным
(я силой был среди сил я знаю то что знаю
и отдавал себя как высший дар — свобода
бывает — лишь свободой)

1985 — 1988

Список иллюстраций

В книге использованы иллюстрации к стихотворениям Геннадия Айги следующих художников:

1. Титульный разворот. Владимир Яковлев. 1966. *Бумага, гуашь.*
2. Начала полян. Игорь Вулох. 1984. *Бумага, тушь.*
3. Отмеченная зима. Игорь Вулох. 1984. *Бумага, тушь.*
4. Поля-двойники. Анатолий Миттов. 1970. *Бумага, тушь.*
5. День присутствия всех и всего. Игорь Вулох. 1984. *Бумага, тушь.*
6. Степень: остоики. Анатолий Маслов. 1973. *Бумага, тушь.*
7. Утешение $3/24$. Анатолий Зверев. 1966. *Бумага, тушь.*
8. Одежда Огня. Григорий Гавриленко. 1977. *Бумага, тушь.*
9. *Сerná hodinka*. Анатолий Зверев. 1966. *Бумага, тушь.*
10. Тишина-предупреждение. Григорий Гавриленко. 1977. *Бумага, тушь.*
11. Пора благодарности. Григорий Гавриленко. 1978. *Бумага, тушь.*
12. Провинция живых. Илья Кабаков. 1964. *Бумага, тушь.*
13. Поле-Россия. Григорий Гавриленко. 1978. *Бумага, тушь.*
14. Зима-Окраина. Григорий Гавриленко. 1977. *Бумага, тушь.*
15. Время Оврагов. Игорь Макаревич. 1965. *Бумага, графитный карандаш. Фрагмент.*
16. Холмы-двойники. Игорь Вулох. 1984. *Бумага, тушь.*
17. Пробраться до поляны. Анатолий Миттов. 1970. *Бумага, тушь. Фрагмент.*

Примечание автора

Поле — до ограды лесной. **Царсово-садо** — неологизм автора.

Казимир Малевич. Эль — Э. Лисицкий. **Белого гроба эскиз** — перед смертью Малевич сделал супрематический эскиз своего гроба.

Степень: остоики (примечание к разделу). **Остоики** — от слова «стойчивость» (морской термин: способность судна сохранять равновесие во время плавания).

Ты с конца. Несколько слов, связанных дефисами, следует рассматривать как одно имя существительное.

Детство К. на Влгаве. К. — Франц Кафка. То же и в стихотворении «*Černá hodinka*: на могилу К.».

Утешение ³/₂₄. (название раздела). 3 часа «творческого утешения» в сутки.

Восклицание бьющих. Йех — междометие («восклицание бьющих»).

Černá hodinka: на могилу К. Černá hodinka (*чешск.*) — «черный часок» — беседа во время сумерек.

И: об уходящем. **Есмость** — категория «есть».

Пора благодарности (примечание к разделу). В цикл входят стихи, написанные в летние месяцы 1976—1978 гг. в поселке Лемболово, под Ленинградом.

Мир-Сосны. Перевод латинских слов и фраз по порядку: «Блаженство», «Всеобщий Сокоупный Лик», «Бог Абсолютный и Неопределимый».

Флоксы: и в памяти — «Радуйся». Церковный праздник 1 августа (по новому стилю) — посвященный св. Серафиму Саровскому.

Долго: березы. Церковный праздник 8 октября (по новому стилю) — посвященный св. Сергию Радонежскому.

Снова — ивы. Посвящено памяти матери автора.

Поле и Анна. Посвящено колхознице из Смоленской области Анне Кулешовой.

Идущий к стаду А.— через поле. Посвящено совхозному пастуху из Московской области Алексею Карпунину.

Три записи к Эпилогу. «Чиста вся чистым» («для чистых все чисто») — из славянского перевода Евангелия, Тит., 1, 15. Вторая «запись» — фраза епископа Игнатия Брянчанинова из сборника «Отечник» (СПБ., 1903).

Холмы-двойники (примечание к разделу). Стихи этого цикла написаны в поселке Довайнонис на юге Литвы.

Белые цветы на самом краю родины. Ряды тире, встречающиеся в этом стихотворении, выражаются при чтении вслух, соответственно их числу, равномерно-монотонным стуком.

Содержание

Евгений Евтушенко. Защита собственной души . 5

Начала полян

(1954—1959)

В рост	11
В декабрьской ночи	12
Бодлер	14
Родное	15
Путь	16

Отмеченная зима

(1960—1961)

Тишина	19
Облака	20
Дом друзей	21
Смерть	22
Люди	23
Детство	24
Счастье	26
Снег	27
Реквием девочке	28

Поля-двойники

(1961—1963)

Утро в детстве	31
Предзимний реквием	32
Война	33
Заморская птица	35
Поле — до ограды лесной	36

Казимир Малевич	38
Вдруг — мелькание праздника	40
Цветы от себя самому	41

День присутствия всех и всего

(1963—1965)

Распределение сада	45
Возвращение страха	47
Начало леса	48
Мадригал поэту	49
К возвращению страха	50
Появление снега	52
Засыпающий в детстве	53
Окно=сон	54

Степень: остоики

(1964—1965)

Ночь к весне	57
Второй мадригал	58
Посвящается детство	59
Константин Леонтьев: утро в Оптиной пустыни	61
Праздник в детстве	63
Ты с конца	64
Детство К. на Влтаве	65
Лес — только по шуму	66
К утру в детстве	67
К тебе с конца	68
И: словно отделяясь	69
К посвящению детства: чистка орехов	71

Утешение ³/₂₄

(1965—1967)

Восклицание бьющих	75
Приближаемся к лесу	77

Утешение: розы	79
Снова: в перерывах сна	81
Розы в августе	82
Дом поэта в Вологде	83
Голод — 1946	85
И: отцветают розы	86
Сон: очередь за керосином	88
Розы с конца	90
Степень: остоики	91

Одежда Огня

(1967—1970)

Сон: дорога в поле	95
И: как белый лист	96
Утешение: поле	97
Место: пивной ларек	99
Утро: метро: утешение	101
И: яблони цветут	103
Служба: утро: бумаги	105
И снова — лес	107
Ты — немного — в весне	108
Белый шиповник в горах	109
И вновь: начиная со сна	111
Снова: места в лесу	113
Černá hodinka: на могилу К.	115

Černá hodinka

(1970—1973)

Поле: в разгаре зимы	119
Снова: ты с конца	120
Розы в горах	121
Славя Пребывание	123
Поле: туман	125
Снова: возвращение страха	126
И вновь: боярышник	128

Две березы	129
Долго: Солнце	131
Ты — ликами цветов	132
Окраина: тишина	133
Родина	136

Тишина-предупреждение

(1974—1976)

Ты моя тишина	143
Места в лесу: вариация	144
Плач-и-я	147
Шумят березы	148
Поле: мост: травы	150
И: об уходящем	152
О да: Родина	153
Такие снега	155
Ветка вербы в окне	157
Друг мой — дерево — из окна	160
Триптих с жасмином	161

Пора благодарности

(1976—1978)

С утра кусты жасмина	165
Мир-Сосны	166
Флоксы: и в памяти — «Радуйся»	168
Возвращение: сосны	171
Ты-День	172
Флоксы: безветрие	173
И: место рябине	174
Солнце: березы	175
Сосны: прощанье	177
Родина-Лимб	178
Ходьба-прощанье	179
Долго: березы	180

Провинция живых

(1978—1979)

Теперь всегда снега	183
В ветер	185
Прощальное	187
И: последняя камера	190
Завершение: флоксы	191
В сумерках необязательности	192

Поле-Россия

(ТРИ ЦИКЛА; 1979 — 1982)

Цикл первый

Поле-Россия	195
Поле: а дальше — разрушенный храм	196
Снова — ивы	198
И: поле живых	199
Поздний орешник	200
Подступы к подсолнухам	201
Поле-Россия: прощанье	202

Цикл второй

Дорога из лесу	203
Ивы (памяти музыки)	206
Поле и Анна	207
Замедленный август	209
Мама в малиннике	210
Поле-завершение (Страна без людей)	211
И: Шуберт	213
Идущий к стаду А.— через поле	214
Еще одна песенка для себя	216

Цикл третий

И: мгновенья-в-березах	217
Прощание с храмом	218
Сон-в-Знамени	219
А тот орешник давний	220
Одинокий подсолнух	221
Сны — с давними лицами	223
Три записи к Эпилогу	225

Зима-Окраина

(1981—1982)

Что кроме выюг	229
Первая радуга года	230
Рожь: т а м: рожь	231
В гости в детстве	233
Песенка для друзей	235
Утро-Окраина	236

Время Оврагов

(1982—1984)

Ты-и-лес	239
С пением: к завершению	241
О девочке и о другом	243
И: Едино-Овраг	244
Холм-навсегда	247
Листопад и молчание	250
Рядом с лесом	251

Холмы-двойники

(1984—1985)

Река-Жемайтя	255
Давно — ночь: светящийся дом — в лесу	256
Белые цветы на самом краю родины	258

Поляна-Прощание	259
Жемайтия: заходящее Солнце.	260

Пробраться до поляны

(1984—1988)

Горя — во времени жатвы	263
Лес — после поля	264
Другая дорога в поле	265
Леса — вспять	266
Сон-распад	267
Выходя из оврага	268
И: место — давнего знака	269
Вдруг — от флоксов	270
Деревня	273
Снег в полдень	275
Ужин: дом за городом	276
К разговору на расстоянии	277
Список иллюстраций	278
Примечания автора	279

Геннадий Николаевич Айги

ЗДЕСЬ

Избранные стихотворения

(1954—1988)

Редактор **В. П. Евпатов**

Художники **И. Г. Макаревич** и **Л. И. Орлова**

Художественный редактор **О. Г. Червецова**

Технический редактор **В. М. Котова**

Корректоры **М. Г. Курносенкова**, **Г. В. Селецкая**

ИБ № 5745

Сдано в набор 15.07.89. Подписано к печати 11.12.89. Формат 70X100/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. краск.-отт. 23,56. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 6,54.

Тираж 7 500 экз. Заказ 510. Цена 75 коп.

Издательство «Современник» Министерства печати и массовой информации РСФСР и Союза писателей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Министерства печати и массовой информации РСФСР

445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30